

**ГЕТМАНЪ
ОСТРЯНИЦА,**

ИЛИ

**ЭПОХА СМУТЬ И БѢДСТВІЙ
МАЛОРОССІИ,**

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XVII СТОЛѢТІЯ,

Василія Коренеоскаго.

—
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
—

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

=

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Одесса. Января 5 дня 1845 года.

Ценсоръ В. Пахманъ.

ГЛАВА I.

На берегу Остра, въ березовой рошѣ, бѣлѣлся новенькій домикъ съ службами, огороженный частоколомъ. Черезъ рѣку, на противоположномъ берегу которой раскидано было нѣсколько мазанокъ и стояла небольшая деревянная церковь, — тлнлась длинная плотина, обсаженная ивами. Каскады воды, вырываясь изъ деревяннаго

жолоба, вращали колеса ветхой мельницы. Мельникъ, Украинецъ, остриженный въ кружокъ, мурныча заунывную пѣсенку, безпечно глядѣль на стаи снадковъ, игравшихъ въ водѣ, восклицая по временамъ, когда маленькія рыбки теченіемъ были уносимы подѣ колеса мельницы.

Ты зъваешь на снадковъ, *Харьку* *, — сказалъ статный бѣлокурый козакъ, одѣтый въ зеленый саетовый кафтанъ, обложенный золотымъ галунчикомъ. Есть ли кто въ мельницѣ?

Въ мельницѣ, *добродію*, сидитъ *Панасъ* **, — отвѣчалъ мельникъ, почесывая затылокъ и кланяясь.

* Харитонъ.

** Аванасій.

Приказавъ, что было нужно, касательно некоторыхъ починокъ и поправокъ въ мельницѣ, козакъ - помѣщикъ пошелъ вдоль плотины къ усадьбѣ. Встрѣтивъ атамана села *, онъ долго толковалъ съ нимъ о весеннихъ работахъ въ полѣ; потомъ, зашелъ на гумно, находившееся на высокомъ берегу рѣки, возлѣ дороги, противъ самыхъ оконъ дома; осмотрѣлъ одонъ съ хлѣбомъ, заглянулъ въ ригу и тихими шагами побрелъ къ своему жилищу. Вдали, по дорогѣ показалась пыль. Козакъ остановился, поджидая всадника подъѣзжавшаго къ нему.

А, Стефанъ Федоровичъ, это вы! сказалъ Зеленый, — все ли благополучно въ

* Старосту.

Нѣжинъ, и что подѣлываютъ *Ляхи* въ Остръ?

Въ Нѣжинъ тихо и смирно отвѣчалъ пріѣзжій; а Поляки сидятъ, запершись, ожидая помощи отъ Конецпольскаго. Также слышно, что козацкіе полки въ волненіи, и что Гетманъ Павлюга выступилъ съ Запорожцами изъ Сѣчи, чтобъ сразиться съ нашими мучителями.

Давно бы пора, — отвѣчалъ Зеленый. Боюсь, что этотъ отважный, но не опытный человекъ, соберется воевать съ Поляками тогда, когда нельзя уже будетъ побить ихъ. Конецпольскій, старая лиса, не дастся въ обманъ, если только не захватить его върасплохъ. Впрочемъ, будетъ, какъ Богъ дастъ; Его святая воля!

— Вѣдь Нѣжинскій полкъ долженъ-же помогать въ общемъ дѣлу родины, съ живостію замѣтилъ пріѣзжій, — не прикажете ли готовиться въ куреняхъ?

Не худо, отвѣчалъ Зеленый, — покуда получимъ вѣрныя свѣденія, будемъ готовиться. Только, я ни въ какомъ случаѣ, не оставлю Нѣжина; достанется вамъ идти, Стефанъ Ѳедоровичъ!

Козакъ (котораго Зеленый называлъ Стефаномъ Ѳедоровичемъ), перекрестился и сказалъ: да поможетъ намъ Всевышній въ правомъ дѣлѣ! Въ Украинѣ нѣтъ человека, который-бы не былъ готовъ положить душу свою для спасенія родины.

Правда, Степанъ Федоровичъ! много уже разъ мы доказали это нашею кровью; жаль только, что Гетманы не умѣютъ пользоваться испытанною храбростію козаковъ. вмѣсто того, чтобы оберегать родину, (какъ я дѣлаю въ Нѣжинскомъ полку), они, разбивши Поляковъ, летятъ на невѣрныхъ, въ упоеніи не надежныхъ побѣдъ своихъ; а Ляхи, по прежнему, хозяйничаютъ въ Украйнѣ. Не такъ ли сдѣлалъ храбрый Тарасъ, покойникъ? Управившись съ Конецпольскимъ, вмѣсто того, чтобы устроить дѣла дома, онъ пустился въ Черное море, навелъ страхъ на Стамбуль, и — палъ, не сдѣлавъ добра для родины. Черезъ два года, разбитый Гетманъ Коронный вновь явился подъ Переяславлемъ, опять разбить, и только я одинъ умѣлъ воспользоваться

сугубымъ пораженіемъ Конецпольскаго, за-сѣвши съ оружіемъ въ рукахъ въ Нѣжинѣ. Боюсь, теперь также будетъ: Павлога храбръ, можетъ разбить Поляковъ и не сумѣетъ воспользоваться побѣдою. — Куда вы ѣхали Степанъ Федоровичъ, сказалъ Зеленый, перемѣняя разговоръ, — ко мнѣ, нарочно?

Въ Дорогинку, — отвѣчалъ пріѣзжій, — а на возвратномъ пути хотѣлъ заѣхать къ вамъ, передать Софьѣ Васильевнѣ поклонъ отъ матушки, и сообщить новости, о которыхъ сказалъ теперь.

Все-же заѣжайте къ намъ на обратномъ пути, я буду ждать васъ къ ужину; переночуете у меня, а завтра побѣдемъ вмѣстѣ

въ Нѣжинѣ. Зеленый снялъ кабардинку и поклонился прїѣзжему; тотъ поскакалъ чрезъ плотину.

Наконецъ козакъ вошелъ на широкой дворъ усадьбы, и увидѣвъ на дворѣ *чуру* *, велѣлъ осѣдлать ворона, любимаго своего коня; имѣя намѣреніе осмотрѣть полевья работы и вмѣстѣ съ тѣмъ проѣздить одичавшаго жеребца.

Внутренность жилища козака — домовода представляла образецъ опрятности и изобилія. Главнѣйшія украшенія его составляли большіе кіоты со множествомъ образовъ въ серебрянныхъ, позлащенныхъ ризахъ и висѣвшія предъ ними паникадилы, выкованныя изъ чистаго червоннаго золота,

* Оруженосца.

сїявшія драгоценными каменьями. Въ углу, подъ образами, стоялъ длинный столъ, съ ножками въ видѣ буквы Х, закрытый дорогимъ Персидскимъ ковромъ; а вдоль стѣны помещены были лавки, тоже застланныя коврами. По угламъ, у дверей, стояло нѣсколько шкафиковъ рѣзной работы съ книгами и посудой. Къ числу мебели тоже принадлежала высокая дубовая кровать съ точеными ножками, застланная парчевымъ одеяломъ, на которой лежала гора перинъ и головныхъ подушекъ.

Весь домъ состоялъ изъ двухъ просторныхъ покоевъ, чисто выбѣленныхъ, полы которыхъ были смазаны глиною и усыпаны мелкимъ пескомъ. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой большими сѣнями, съ сквоз-

нымъ ходомъ, со двора въ садъ. Въ одной изъ свѣтлицъ, тоже раздѣленной на двое досчатою перегородкой, сидѣла молодая женщина, блѣлолица, съ черными бровями и алыми губками, качала малютку, припѣвая старинную Украинскую колыбельную пѣснь: *о! о! моли; прилетѣли гули; да спѣли на моли*, и проч.

Статный козакъ, котораго мы оставили на дворѣ, подкравшись къ молодой женщинѣ, поцѣловалъ ее въ щечку.

Ахъ, Стефанъ! какъ ты испугалъ меня, — сказала она. Гдѣ ты ходилъ такъ долго?

— Былъ въ винокурнѣ, на гумнѣ, въ мельницѣ, обошелъ все хозяйство; принесъ

тебѣ поклонъ отъ матушки, который привезъ изъ Кіева Эсауль Постыличъ; а теперь хочу ѣхать въ поле, и зашелъ попрощаться съ тобою, моя голубка. Козакъ Стефанъ, обнялъ свою подругу, и началъ цѣловать ее безъ счету въ губки, лобъ и глазки. . . Плутовка не противилась. А между-тѣмъ, маленькой Петрусь, въ люлькѣ, не слыша баюканья матери, расплакался.

Чувство любви къ сыну одержало верхъ надъ супружеской нежностію; молодая женщина, тихо высвободясь изъ объятій мужа, принялась допѣвать неоконченную пѣсенку: *пишовъ китъ на тиржокъ, да купивъ пиризжокъ*, и т. д.

Прощай-же, милая моя, сказалъ Стефанъ, (еще разъ поцѣловавъ жену,

усердно-уже качавшую сына), вышелъ изъ свѣтлицы и вихремъ умчался со двора, на ляхомъ воронѣ, котораго *чура Стецько* и дво-рецкій *Працько*, въ двоѣмъ, съ трудомъ могли удерживать возлѣ *присинокъ* * домика.

Козакъ, въ зеленомъ кафтанѣ, какъ я думаю, отгадали уже читатели и читательницы (если я буду имѣть ихъ), былъ знакомецъ нашъ Острианица, Полковникъ Нѣжинскаго полка, оставившій тревожную военную жизнь въ станѣ Съчеваго товариства и переселившійся къ отцовскимъ пена-тамъ, на родные берега Остра.

Спустя два года послѣ Переяславской битвы, Стефанъ выбралъ подругу изъ Мало-

* Присинки, — крытое крыльцо.

россійскаго разсадника красавиць, дочь Кіевскаго Сотника Василя Ворожбита, Софію, черноокою, статную, румянную и вмѣстѣ съ тѣмъ добрую и скромную дѣвушку. Жилъ съ нею шесть лѣтъ счастливо, не замѣчая, что медовой мѣсяцъ давно прошелъ. Милая Софія, сдѣлавшись Софіею Васильевною, любила Стефана нежно, угадывала его мысли и желанія; потому, даже облачко печали никогда не отбняло горизонта радостной жизни Стефана и его подруги.

Въ теченіи осьми лѣтъ, проведенныхъ Полковникомъ на берегу Остра, въ кругу родныхъ, прелестной жены и храбрыхъ земляковъ его Нѣжинцевъ, готовыхъ сложить головы свои за добраго старшину,

много потерпѣла тревоженій Малороссія. Бѣдствія, постигшія несчастную страну, не вполнѣ касались Нѣжина, управляемаго мужественнымъ Полковникомъ Стефаномъ. Поляки, укрьпившіеся въ Кіевскомъ полку, въ городъ Остръ (при слияніи рѣки Остра съ Десною), страшились имени Острианицы, памятнаго для нихъ послѣ *Тарасовой ночи*. Арендатарей-жидовъ и откупщиковъ, послѣ кроваваго мщенія въ 1628 году, въ продолженіи Полковничества Острианицы, вовсе не было въ Нѣжинскомъ полку; общественныя имущества, судъ и расправа, были въ рукахъ природныхъ жителей; храмы Божіи возобновлены и исправлены, священники, поставленные Митрополитомъ Кіевскимъ, управляли паствою въ мирѣ, по уставамъ православныя церкви.

Храбрый Полковникъ Нѣжинскій, по-видимому, безопасно осматривавшій поля, строившій дома, и исправлявшій мельницы на хуторѣ, подобился спящему льву среди общей тревоги, котораго стерегутъ грозныя его дѣти. Поляки не желали разбудить Острианицу въ это время, коварствовали, но боялись дѣйствовать открытою силою. Въ такомъ видѣ были дѣла въ Нѣжинскомъ полку до 1637 года, эпохи, въ которую несчастные жители Малороссіи, вновь потерявъ терпѣніе, рѣшились лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели влечить постыдные оковы рабства.

ГЛАВА II.

Вскочивъ на лихаго ворона, Стефанъ пустился по дорогъ въ поле. Вывзжая изъ рощи, онъ не зналъ куда ѣхать прежде; наконецъ рѣшился. Стиснувъ ногами коня, онъ поскакалъ по опушкѣ лѣса къ сѣнцаликамъ, бывшимъ довольно далеко отъ усадьбы, почти въ окрестностяхъ села Березанки.

Прѣхавъ нѣсколько верстъ, Стефанъ далъ отдыхъ коню, протеръ ему глаза полою кафтана, потянулъ за чубъ, почмоки-

вая и поплеывая на право и на лѣво. Въ старину вѣрили, что всадникъ, поступающій такимъ образомъ съ уставнымъ конемъ своимъ, избавляетъ его отъ вліянія дурнаго глаза, могущаго сдѣлать порчу этому благородному животному.

Стефанъ, помаскавъ ворона, укротивъ поводья и взявшись за холку его, готовъ былъ вспрыгнуть въ сѣдло, когда увидѣлъ изъ за-куста два огненные глаза, устремленные на него, и, казалось, готовые выпрыгнуть изъ морщиноватаго лба и изъ-подъ нависшихъ бровей рыжаго цвѣта съ просѣдью. Больше онъ ничего не могъ видѣть за густыми листьями хмѣлю и боярышника, который, весь опутанъ былъ хмѣлевыми плетнями.

«Сгинь, лукавый!» — воскликнул Полковникъ, крестясь, и воображая, что это лѣшій изволить любоваться на него и его ворона. — «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» — примолвилъ онъ, но страшные глаза не исчезали. Острианица вскочилъ на коня, выхватилъ съ кобуры пистолеть, и ринулся къ кусту. Глаза исчезли, въ лѣсу раздався дикій хохоть.

Въ чащу нельзя было проникнуть верхомъ, по чрезвычайной густотѣ кустарниковъ. Не зная, что подумать, считать-ли ему два огненные глаза, за глаза лѣшаго, или разбойника, подсматривавшаго за нимъ, Стефанъ тихо повхалъ къ сѣяльщикамъ; распросилъ ихъ о количествѣ высѣяннаго овса, посмотрѣлъ, какъ они сѣютъ, а

между-тѣмъ навѣдався, не замѣтили-ли они какого нибудь подозрительнаго чловѣка, скрывающагося въ лѣсу? — не сказавъ впрочемъ, что глаза, видѣнные имъ, онъ почелъ за глаза лѣшаго. Острианица, по тогдашнему, воспитанный превосходно, не желалъ казаться имѣющимъ грубые предразсудки своего вѣка; говорилъ всегда, что онъ не вѣритъ лѣшимъ, домовымъ, русалкамъ, вѣдьмамъ и всей братіи хромаго дѣлушки-вельзевула; и даже, когда былъ въ школѣ, написалъ подобно Гизелю, нѣсколько диссертаций на Латинскомъ языкѣ, противъ обычаевъ Малороссіянъ *колядовать* на Рожество Христово, и праздновать Ивана *Купала*. Но не смотря на все это, всосавъ, такъ-сказать, съ молокомъ, предразсудки своихъ отцевъ, наслышавшись въ дѣтствѣ

отъ бабушекъ и нянюшекъ, о *вовкулакахъ*, *песиголовцахъ* и *оборотняхъ*, которыми иногда пугивали его добрыя старушки (желая унять отъ капризовъ и крику), нехотя, вопреки разсудку, вѣрилъ онъ всемъ фантастическимъ сказкамъ старины, и только лгалъ, что не вѣрилъ имъ.

Послѣ отрицательнаго отвѣта сѣмьлицковъ, Остряница, почти увѣрившись въ томъ, что онъ видѣлъ огненные глаза лѣшаго, встревоженный, не забывая уже къ плугамъ, поѣхалъ домой, читая въ слухъ молитву «Да воскреснетъ Богъ!»

ГЛАВА III.

Было начало весны. Жимолость, боярышникъ и сирени наполняли воздухъ благоуханіемъ, многія деревья покрылись пышными листьями. Софія съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія Стефана, пошла къ нему навстрѣчу, ближайшимъ путемъ чрезъ рощу.

Рослая *Феська* *, служанка Софіи, съ прекрасною русою косою, висѣвшею ниже

* Феодосія.

пояса, въ пунсовой *стричкѣ* * на головѣ, взявши на руки Петруся, шла въ почтительномъ отдаленіи за своей госпожей.

Госпожа и ея прислужница пробирались по заросшей тропинкѣ у берега Остра, пугая робкихъ утокъ, свившихъ гнѣзда въ осокѣ, близъ воды. Софья срывала безпечно ландыши, росшіе въ тѣни ивъ и вязала букетъ для милаго Стефана. Петрусь, преслѣдуя глазками жучковъ и бабочекъ, лѣтавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, гудѣлъ подобно голубку. Въ это время, *Феська*, тихо остановивъ госпожу свою, показала въ чашу деревьевъ. Тамъ стоялъ страшный Литвинъ, въ сумромъ кафтанѣ, въ лаптяхъ, съ толстою

* Лентъ.

дубиною въ рукахъ; на головѣ у него была бѣлая войлочная шапка, въ видѣ усъченнаго конуса, надѣтая на одно ухо. Зеленые глаза Литвина сверкали подобно глазамъ гienны.

Бѣдная Софія обмерла: бѣжать домой было далеко, кричать о помощи — бесполезно, никто не могъ услышать ее въ глуши, куда она зашла. Горько раскаивалась Софія въ своемъ неблагоразуміи, но уже поздно, Литвинъ смѣлыми шагами приближался къ неосторожнымъ женщинамъ.

Сама голубица вльцнула въ мои руки, сказалъ онъ, поднявши грозную дубину на плечо.

Феська, — какъ говорится, — непотерявшая головы, закричала госпожѣ: возъ-

мите Петруса на руки и ползайте на дерево проворнѣй, я подсажу васъ; и съ этими словами, передавъ дитя Софіи, схватила обѣихъ ихъ въ-охапку, посадила на первый сукъ береста, понуждая госпожу свою карабкаться какъ можно выше.

Увѣрившись, что Софія усмалась хорошо между вѣтвей, и захвативъ въ руки увѣсистый обломокъ березы, *Оеська* заняла позицію возлѣ дерева, на которомъ сидѣла бѣдная ея госпожа съ маленькимъ *Петрусемъ*.

А ну, окаанный рыжакъ, подойди сюда! сказала героиня, — я тебя отъучу нападать на беззащитныхъ женщинъ въ лѣсу.

Литвинъ, нисколько не смущаясь, приближался къ дереву, и подошедши не далѣе

десяти шаговъ, ринулся на *Оеську*, замахнувшись дубиной. Дѣвка уклонилась отъ удара; потомъ схвативши въ обѣ руки сукъ, которымъ была вооружена, начала махать имъ во всѣ стороны, подобно рыцарю ордена Меченосцевъ, или Новгородскому латнику, ратовавшему тяжелымъ, длиннымъ мечемъ, обоюду острымъ. — Завязался страшный, отчаянный бой, невиданный, можетъ быть, со временъ царицы *Мартезии* и *Лампето*.

Оеська колола и била противника безъ пощады, учащая удары какъ только было возможно. Литвинъ поражалъ *Амазонку* дубиною; но не могъ хвалиться ни превосходствомъ оружія, ни силою своей руки.

Теська, принявши нѣсколько ударовъ въ бока, дознала на опытѣ, что они ни сколько не тяжелѣе ударовъ сердитой ея матери *Горпины* *, подчивавшей иногда *Теську* качалкою за то, что она любила разговаривать долго съ молодыми козаками, посѣщавшими хуторъ Острияницы. Поразмысливъ объ этомъ, героиня неуклонилась уже отъ ударовъ Литвина, и сама начала дѣйствовать наступательно, рѣшительно тыкая ему въ носъ сукомъ.

Вотъ тебѣ, рыжая гадина! — приговаривала храбрая *Теська* — вотъ тебѣ! и съ этими словами, все ближе и ближе подступала къ противнику, нещадившему своей дубинки, но къ несчастію Литвина, далеко

* Агрипины.

уступавшей оружію *Теськи*, чрезвычайно острому, упругому и довольно увѣсистому. Пользуясь превосходствомъ оружія, разъяренная Амазонка сильно начала тѣснить противника, оттерла его отъ завѣтнаго дерева, погнала къ берегу Остра, и конечно утопила-бы въ рѣкъ, еслибъ проклятый Литвинъ смекнулъ дѣломъ, не залзъ въ такую тину, гдѣ преслѣдовать его не захотѣла уже опрятная *Теська*, имѣвшая на ногахъ новинькія *сапьяны* и разряженная въ клетчатую шерстяную *плахту*.

Ну, окаянный колдунъ! счастливъ твой богъ, что болото мѣшаетъ мнѣ добраться къ тебѣ, сказала *Теська*, грозя сукомъ, — потомъ, подумавши, добавила: но я все таки не выпущу тебя проклятый рыжакъ. Обра-

щаясь къ Софiи: а слъзайте, пани, съ береста, и идите съ Богомъ домой; ко мнѣ-же пришлите *Стецька*, або *Працька*, а еще лучше обоихъ вмѣстѣ.

Софiя начала спускаться съ дерева. Между тѣмъ, Литвинъ, сидѣвшій по поясъ въ тинѣ и повидимому потерявшій надежду избавиться, когда будутъ позваны люди, вынувъ изъ кармана свистокъ, свиснулъ три раза. Звучное эхо въ тысячѣ переливовъ повторило рѣзкій звукъ. . .

Теська и Софiя, вздрогнули, подозрѣвая обдуманнѣйшій уже заговоръ, а не простую встрѣчу съ грабителемъ. Бѣдная Софiя осталась по прежнему на деревѣ; храбрая *Теська* не знала, что предпринять. Но,

недоумѣнiе защитницы Софiи продолжалось одну минуту: рѣшившись, во что-бы ни стало, утопить Литвина, а тамъ уже къ чему Богъ приведетъ, — Украинка мигомъ скинула *сапьяны*, сняла *плахту*, корсетъ и вооружившись сукомъ, смѣло побрела къ противнику. Литвинъ, увязшій въ тинѣ по поясъ, никакъ не могъ освободить своихъ ногъ, и только-лишь махалъ надъ головой дубиной, готовясь свиснуть въ другой разъ.

Нѣтъ, гадина, не свиснешь, — сказала смѣлая *Теська*, и размахнувшись, прихлопнула его по головѣ.

Въ это время показался всадникъ, тихо пробиравшійся по берегу Остра. Это былъ

Стефанъ, какъ мы видели въ предыдущей главѣ, вхавшій отъ съальщиковъ, боявшійся лѣшаго и читавшій вслухъ молитву: «Да воскреснетъ Богъ!»

Приблизясь къ мѣсту, гдѣ Литвинъ и *Теська* ратовали въ болотѣ, Стефанъ остановился съ изумленіемъ. Софія, увидѣвшая его изъ своей засады, начала кричать.

«Съ нами сила крестная!» произнесъ Острица, крестясь и вглядываясь въ глаза Литвину. Да это тотъ лѣшій, что подсматривалъ меня на опушкѣ лѣса? Гей дружокъ! вылезай на берегъ безъ бою, сказалъ Стефанъ, показывая пистолеть; а между тѣмъ *Теська* вцѣпясь въ волосы Литвина, помогла ему высвободить ноги изъ тины.

Снявши неосторожную Софію съ дерева и успокоивъ ее, Острица принялся допрашивать Литвина. Открылось, что развратный Воевода Брацлавскій, Староста Переяславскій, бывший нарѣченный женихъ бѣдной Гортензии, наслышась о красотѣ Софіи, подослалъ его и еще пять шляхтичей, переодѣтыхъ въ козацкое платье, увезти жену Стефана и убить его самого, если невозможно будетъ тайно украсть Софію; и что разбойники, не смѣя дѣйствовать открытою силою, уже нѣсколько дней скитаются вокругъ жилища Полковника, выжидая удобнаго времени исполнить свое предпріятіе.

Литвинъ указалъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ, въ рытвинѣ, должны были ожидать его то-

варищи, добавивъ, что они, вѣроятно, за-
снули пьяные и потому не слышали свиста.

Покуда Остряница допрашивалъ повѣрен-
наго въ дѣлахъ славнаго Воеводы Брацлав-
скаго, служители Стефана и сторожевые
козаки, услыхавъ свистъ на берегу Остра,
съ гончими собаками, разсыпались малыми
отрядами по лѣсу, стараясь открыть подо-
зрительныхъ людей; набрели на спящихъ,
и какъ угадалъ Литвинъ, пьяныхъ шлях-
тичей и вели ихъ въ усадьбу. Случилось,
что служители шли по тойже тропинкѣ,
по которой надо было идти Стефану, женѣ
его и храброй *Теськѣ*. Они сошлись.
Шляхтичи, увидѣвъ Литвина, только вспле-
снули руками; запыраться было не воз-
можно.

По возвращеніи въ хуторъ, Стефанъ
велѣлъ рассадить пльвниковъ въ хлѣбныя
ямы и крѣпко стеречь ихъ.

Мужественную *Теську*, мать ея *Горпина*
обмыла въ большомъ корытѣ теплою водою
съ мыломъ; примочила уксусомъ съ хлѣб-
нымъ виномъ благородныя язвы, получен-
ныя ею въ бою съ невѣрнымъ Литвиномъ;
а госпожа *Теськи*, Софія Васильевна, тогда
же объявила ее свободною съ матерью и
всеми ближними родными, на вѣчныя вре-
мена.

Стоустая молва, скоро разгласивъ во
всемъ Нѣжинскомъ полку не обыкновенные по-
двиги мужественной Украинки, составила
ее счастье. Явились женихи толпами; въ

числѣ ихъ были даже куренные атаманы, правда, немного скудо-волосые, напудренные временемъ, проводшіе лучшие годы своей юности въ бездомной Сѣчи, но все же-таки атаманы, знаменитостію титулъ которыхъ могла гордиться храбрая *Феська* въ кругу своихъ подругъ, теперь съ завистью глядѣвшихъ на неѣ.

Счастливая *Горпина* была въ восторгѣ. Ни одно облачко печали и брюзгливой злости не отбѣгло чела старухи; качалка забыта: она употреблялась только для катанья бѣлья и растиранія пшена въ *макитрѣ*, для *засмажки борщу*, исправляя должность *макогона*. *Феська* сдѣлалась милою *Фесею* въ домѣ ея матери и была предметомъ самыхъ вѣжныхъ и заботли-

выхъ попеченій *Горпины*, укрощенной, или, такъ сказать, побѣжденной чудными доблестями дочери.

Кромѣ того, что храбрая Украинка освобождена отъ крестьянства, *Стефанъ*, въ воздаяніе важныхъ услугъ ея, назначилъ для *Феськи* значительное приданное: двѣ мынастыхъ коровы, плугъ воловъ, кобылу съ лошонкомъ, хату и вышневыи садикъ на берегу *Остра*; а на обзаведеніе 25 битыхъ талеровъ.

Распоряженіе *Стефана* произвело рѣшительное дѣйствіе. *Феська*, чрезъ недѣлю послѣ знаменитой битвы и одержанной побѣды, помолвлена за атамана *Охрима* * *Цоб-*

* Ефрема.

кала, не совсѣмъ еще изъ лѣтъ выжившаго
человѣка.

Свадьба отложена до Троицына дня.

Тысячу разъ, извиняясь предъ моими
читателями за отступленіе, сдѣланное отъ
порядка одинъ разъ и навсегда принятаго
въ нашемъ разсказѣ: говорить о событіяхъ,
не смѣшивая время совершенія ихъ, —
возвращаюсь къ эпохѣ прибытія въ хуторъ
Стефана, Софїи, *Фески*, Литвина и соу-
мышленниковъ послѣдняго.

ГЛАВА IV.

Давно уже прошла обѣденная пора.
Солнце спускалось къ западу. Кухарка
Софїи и Стефана, Сигклитина, сидѣла на
прилавкѣ пригорюнясь, и размышляла, что
вкусный борщъ перекипитъ, каша пере-
прѣетъ, а *вареники* сдѣлаются *лемшикой*.
Кухарка, зная урочный часъ обѣда,
по флагу дворника *Працька* *, имѣла не

* Въ селахъ Малороссійскихъ, въ лѣтнее время, сзы-
ваютъ къ обѣду косцовъ и жнецовъ, выставляя на дан-
ныхъ влахъ *рядно*, *кожухъ*, *сирякъ* и т. п.

осторожность опустить вареники въ кипящую воду въ то время, когда только увидѣла окаянный флагъ, кланявшійся Сигклитинѣ съ высоты *клуши* *, какъ будто, самъ *Працько* кланялся ей, выплясывая на праздникахъ Свѣтлаго Воскресенья, граціознаго голубца. На это время, флагъ былъ замѣненъ кожухомъ дворника, съ распахнутыми вѣтромъ полами, растопыренными рукавами, качавшимся вмѣстѣ съ вилами, на которыхъ онъ былъ поднятъ.

Къ чести Сигклитины, она первая услышала свистъ на берегу Остра. Но принимая его за шипѣніе сырыхъ дровъ въ печи, похожее на свистъ, покойно продолжала переставлять горшки, рѣзать и

* Риги.

топочь упругое сало, и только тогда увѣрилась въ противномъ, когда дворъ опустѣлъ.

Горевала бѣдная Сигклитива! Въ такомъ положеніи застали ее возвратившіеся обитатели хутора. *Феська* избитая, перепачканная, первая явилась въ кухню.

— Выдавайте обѣдать, мамо! сказала маленькая *Яедошка* *, дочь Сигклитины, вбѣжавшая въ кухню бочкомъ, припрыгивая. Панью чуть было Литвинъ не съѣлъ въ лѣсу, — слышали вы объ этомъ моя, *нецько!*

Слыхала, *доно*, слыхала, отвѣчала кухарка, смѣясь. — Бѣжи въ будинки и принеси посуду.

* Авдотья.

Явдошка, перевернувшись на одной ногѣ, побѣжала въ горницу.

Покуда готовили посуду и накрывали на столъ, воротился изъ Дорогинки Эсауль Постыличъ.

Добро пожаловать, Стефанъ Федоровичъ, — сказалъ Остриница, усаживая гостя въ красномъ углу свѣтлицы. — Слыхали вы о приключеніи, случившемся у насъ?

Постыличъ покачалъ головою отрицательно, не въ состояніи будучи отвѣчать скоро: — онъ былъ занка.

Между-тѣмъ, вошла Софія, хлопотавшая по хозяйству на дворъ, выдававшая работни-

камъ къ обѣду хлѣбъ, квасное молоко и творогъ.

Постыличъ приветствовалъ ее, съ трудомъ проговоривши: ма-ма-матушка кланяется вамъ.

Софія поблагодарила его, и сказала мужу пригласить гостя откушать водки, потому— что Сигклитина, съ поливняною мискою борщу, мѣрнымъ шагомъ, приближалась уже къ *будинокамъ*.

Пошелъ вонъ, ледачій! пошелъ заразы! шумѣла кухарка въ сѣняхъ *будинокъ*, прогоняя стараго, криваго на одинъ глазъ лыска, махавшаго огромнымъ хвостикомъ, и аппетитно поглядывавшаго на привлекательную миску съ борщемъ.

Лыско отшатнулся къ съвечному порогу, зѣвнулъ, согнувши крючкомъ красный языкъ и легъ въ *присинкахъ* подъ лавкою.

Вкусный благоухающій борщъ поставленъ на столъ.

Покорнѣйше прошу водочки, Степанъ Ѳедоровичъ, сказалъ Остриница, подвигая полуштофикъ съ калгановкою, въ которомъ, въ срединѣ, искусно установленъ былъ Кіевопечерскій монастырь, со множествомъ главъ и осьмиконечныхъ крестиковъ, — вырѣзанный изъ липоваго дерева.

Это рѣдкость у васъ, Степанъ Ѳедоровичъ, замѣтилъ Постыличъ, — выпивая однимъ глоткомъ калгановку изъ серебрянной чарки, въ видѣ скорлупы грецкаго орѣха.

Подарокъ отца настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, отвѣчалъ Остриница. У меня въ монастырской кассѣ лежатъ деньги, оставшіяся послѣ покойнаго батюшки, и я не беру на нихъ ни какихъ процентовъ; за то братія не забываетъ меня въ своихъ молитвахъ, и иногда присылаетъ презенты. Полуштофикъ этотъ сдѣланъ на монастырской *зупъ*. Покорно прошу садиться, примолвить хозяинъ.

Я у-у-уже обѣдалъ, отвѣчалъ гость.

Ничего, почтеннѣйшій Стефанъ Ѳедоровичъ! хлѣбъ на хлѣбъ не вадитъ: *кій на кій вадитъ*, — говорятъ Запорожцы. Садитесь, покушайте съ нами, воображая, что вы подничаете, — сказалъ гостепріимный хозяинъ.

Постыличъ больше не отговаривался, усѣлся и кушалъ исправно.

Остриница разсказалъ за обѣдомъ гостю о Литвинѣ и *Тескѣ*.

Чтожь, почтеннѣйшій, Степанъ Федоровичъ, отвѣчалъ Постыличъ, выслушавъ разсказъ, — мы будемъ судить ихъ по регуламъ козацкимъ, а потомъ повѣсимъ.

И — будемъ правосудитъ Поляковъ, замѣтилъ Полковникъ, улыбувшись; — они часто вѣшаютъ прежде суда.

Послѣ обѣда, услаждая вкусъ ароматной *варенишкой*, Полковникъ и Эсаулъ начали толковать, какъ составить судъ по формѣ надъ Литвиномъ и его соумышленниками.

Рѣшили: пригласить Сотника Брусилу изъ Березанки и куреннаго атамана Пересаду изъ Ивангорода; а Эсаулу Постыличу быть презусомъ.

Чура Стецько, на неосѣдланномъ конѣ, подобно Нумидійскому всаднику, размахивая пеньковымъ пудомъ, помчался съ приглашеніемъ. Дьякъ приходской церкви долженъ былъ занять мѣсто полковаго писаря, Сидора Фомича Тяпки, отпросившагося на-тотъ-разъ у Полковника въ Нѣжинъ, и закутившаго тамъ, по обычаю дѣловыхъ людей.

По пріѣздѣ Сотника и атамана, засѣданіе военносудной комисіи открыто въ свѣтлицѣ отдѣльной отъ жилыхъ покоевъ. Къ допросу перваго привели Литвина.

Какое было твое намереніе нападать на беззащитныхъ женщинъ въ лѣсу? спросилъ грозно презусъ Постылицъ.

Хоцьлѣ подлапцѣ Павью Полковникову, отвѣчалъ дрожавшій преступникъ; а что ваша милость изволитъ говорить, будь-то-бы онѣ были беззащитны, то это не совсемъ такъ: дѣвка, бывшая съ Полковницей, хорошо вооружилась обломкомъ березы и отчаянно поражала меня. Я свидетельствуюсь въ этомъ сняками и ушибами, которыя изволите видѣть, *яснѣ-вельможные паны*, на моемъ лицѣ.

Довольно! сказалъ презусъ, — улика и признаніе есть. Обращаясь къ караульнымъ: возьмите его и опустите опять въ яму, покуда дѣло будетъ рѣшено.

Дьячекъ, трясшій головою и руками съ перепоя, каракульками полу-Славянскими, полу-Польскими, записалъ допросъ.

Привести шляхтичей; а между тѣмъ поставитъ шесть висѣлицъ возлѣ дороги, при въѣздѣ въ село, сказалъ презусъ.

Еще мы не подписали приговора и не всѣхъ преступниковъ допросили, — замѣтилъ Сотникъ, обращаясь къ Постылицу.

Подпишемъ и допросимъ, отвѣчалъ хладнокровно Эсаулъ; но чтобы не терять напрасно времени, пускай ставятъ *шибеницы*, вѣдь намъ нѣкогда возиться долго съ этой сволочью.

Помилуйцѣ, вельможные паны! завопилъ Литвинъ — *не спшайцѣ* меня грѣшнаго; я

въ великой *пригодѣ* вамъ стану. Погубилъ мою душу этотъ *гицль* Староста, подговорилъ на кровь православленную. *Помилуйцль*, панове, ради Христа! Я вамъ *служицль* стану по единовѣрству охотнѣе, нежели безбожному Старостѣ. Онъ сгубилъ меня тѣмъ, что заперъ въ Бубновѣ мою жену и дѣтей и грозилъ уморить ихъ голодомъ, если я не исполню его сатавинскаго замысла. Ради Пресвятыя Дѣвы Маріи, *помилуйцль!* — Я буду *служицль* вамъ вѣрно; выручу, какъ нибудъ, свое семейство изъ Бубнова и со всѣмъ переѣду *жицль* къ вамъ. Будъ онъ три-краты проклятъ, этотъ антихристъ — Староста!

Остряница, присутствовавшій при допросѣ, задумался, потомъ сказалъ Посты-

личу по латини: Литвина, я полагаю, можно будетъ отпустить, если онъ только не-лжетъ, что Староста принудилъ его участвовать въ своемъ замыслѣ.

Постыличъ согласился съ его мнѣніемъ.

Между-тѣмъ, привели Поляковъ. Сначала они, не теряя *гонора*, начали угрожать мщеніемъ Старосты Переяславскаго и всей Польши, если узнаютъ, что благородные шляхтичи, безъ суда Королевскаго, лишены свободы; но, узнавши, что ихъ ждетъ висѣлица, присмирѣли.

Остряница, посмотрѣвъ на нихъ, сказала по Польски: вы, *панове*, добровольно сложили съ себя санъ шляхетскій, одѣвшіеся

въ одежду простыхъ козаковъ, а болѣе принявшись за дѣло, унижающее не только благородство происхожденія, но самое чело- вѣчество. Вы сдѣлались подлыми рабами сластолюбца, за горсть золота, и мните насъ, людей вольныхъ и честныхъ, недостойными судить васъ. Не боимся мы вашихъ угрозъ, и сумѣемъ отразить Поляковъ, еслибы они вступились за вашу продажную честь. И такъ, подумайте лучше о душѣ. Минуты жизни вашей изотчены, и никто не вырветъ васъ изъ вашихъ рукъ, доколѣ жива *козацкая мати*, — добавилъ Острианица, ударивъ по ефесу своей сабли.

Шляхтичи завьли и растянулись на полу, прося помилованія.

Острианица отворотился отъ нихъ съ омерзѣніемъ.

Въ горестное время, къ которому относится нашъ рассказъ, ненависть Малорос- сіянъ къ утѣснителямъ вѣры и свободы ихъ, не имѣла предѣловъ, и потому Полковникъ Нѣжинскій (весьма, впрочемъ, добродушный и милостивый), не оказалъ даже тѣни состраданія къ узникамъ, объявивъ имъ смертный приговоръ.

Напрасны мольбы ваши, произнесъ онъ, — вы знаете, что Русины не даютъ пощады своимъ мучителямъ, отмищевая кровь, пролитую вами и вопиющую объ отмищеніи къ престолу Всевышняго. Готовьтесь принять казнь, заслуженную вами, кромѣ замысловъ

противу меня и моего семейства, однимъ уже омерзительнымъ именемъ Поляковъ, которое носите.

Съ этими словами, Полковникъ, въ чрезвычайномъ волненіи вышелъ изъ комнаты, предоставивъ старшинамъ кончить судъ по формъ и регуламъ козацкимъ, — какъ говорили они.

Преступники приговорены къ смертной казни; а чтобы ускорить исполненіе приговора, ради поздняго времени, (ибо солнце спускалось уже за горизонтъ), назначено каждому изъ нихъ — камень на шею и въ воду, исключая Литвина, жалоба котораго на Старосту, оказалась справедливою.

Дьячекъ, кряхтя написалъ приговоръ. По прочтеніи нѣсколько разъ написаннаго имъ, Постыличъ первый подписалъ бумагу; атаманъ, обмочивъ конецъ пальца въ чернило, тоже ткнулъ, оставляя мѣсто для Сотника; а дьячекъ надписалъ чье руко-прикладство пятно это означаетъ. Пришлось подписываться Сотнику, не хотѣвшему учинить рукоприкладство, подобно Пересадъ, ткнуть емъ перста, обмоченнаго въ чернило, и началась другаго рода операція. Сотникъ, взявши перо пятью пальцами, началъ ставить каракульки подъ диктовку дьячка, а именно: *пиши, батьку, пивъ-обода; пиши, цимый обидъ; три палочки и зверху перекладина; дви палочки и на середьни перекладина; дви палочки изъ-бока на бокъ перекладина; дви палочки; теперь*

кармочку. Кое какъ настрочено было Сотникъ; дальше дьячекъ и Брусило стали въ тупикъ. Рѣшились, чтобы фамилію Сотника дописалъ исправляющій должность писаря.

Такимъ образомъ оконченный приговоръ прочитали шляхтичамъ: разумеется, безъ предоставленія права апелляціи.

Литвинъ выпущенъ на волю.

Солнце закатилось за рощу на противоположномъ берегу Остра. Румяная заря вспыхнула въ розовыхъ переливахъ, вечеръ былъ тихій, прелестный. Весело прыгали стада, бѣжавшія съ поля къ усадьбъ. Торжественная тишина природы лишь изрѣдка нарушаема была заунывнымъ пѣніемъ молодыхъ Украинокъ, со-

бравшихся въ кружки, около своихъ убогихъ хатъ, въ селѣ, за рѣкой. Въ это время пять дюжихъ козаковъ понесли на плечахъ пять рогожанныхъ кулей изъ двора Полковника къ рѣкѣ. Выбравъ самое глубокое мѣсто, усачи бросили свои ноши. Пять круговъ разбѣжались по тихому Остру, сдѣлавъ небольшую зыбь. Съ послѣднимъ плескомъ воды, тихо прикатившейся къ берегу, козаки плюнули и ушли, примолвивъ: и въ Острѣ, проклятые Ляхи не улежать тихо!

Я говорилъ Эсаулу, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — что надо было каждому Ляха прежде проколоть осиновымъ коломъ, того и гляди, что выползутъ изъ Остра и станутъ пугать православныхъ по ночамъ, какъ

случилось съ *Панькомъ* * Покотиломъ, когда онъ шелъ, подгулявши изъ Березанки, ночью, по берегу Остра. Его чуть было не втащили въ рѣчку тѣ окаляные паписты, которыхъ мы, помнишь, изжарили вмѣстѣ съ жидками въ бѣлой корчмѣ, что выстроилъ было Сосницкій Подскарбій на нашей землѣ. Стефанъ Ивановичъ ничего не зналъ объ этомъ, а проклятый Подскарбій все съ него допрашивалъ свои убытки, покуда Полковникъ пригрозилъ ему саблею.

Разговаривая такимъ образомъ, козаки пришли обратно въ хуторъ.

Что, рѣшили? спросилъ Постыличъ.

Память вѣчная! Только пять кружковъ разбѣжалось на водѣ, — отвѣчалъ козакъ,

* Пантелеймономъ.

разсказывавшій о приключеніи *Панька* Покотила. Эхъ, *добродію!* не послушались меня, какъ бы было проткнуть *недовиркивъ* осиновымъ кольемъ, оно было бы лучше, неравно. . . .

Постыличъ прервалъ козака, сказавши съ улыбкою: не бойся, *Петро*, не выползуть и такъ. Иди съ Богомъ спать, да скажи своему куренному, чтобы онъ держалъ ухо остро отъ Сосницы. Слышно, Подскарбій хочетъ отмстить намъ за бѣлую корчму, которая, кажется, не ушла вашихъ рукъ?

Петро моргнулъ усомъ, почесалъ чуприну, и не отвѣчая на замѣчаніе Эсаула, сказалъ почтительно: чую, *добродію*, и скажу куренному, що вы мии мосляли.

ГЛАВА VI.

На утро воронъ Полковника былъ ослѣланъ; лошади старшинъ форкали возлѣ крыльца. Чура *Стецько*, желая поспѣть прежде своего господина въ Нѣжинъ, съ провизіей, которою нагружена была легкая Малороссійская повозка съ не окованными колесами, суетился впрягать трехъ обывательскихъ кобылъ, взятыхъ въ селѣ, отгоняя пужкою * лошонковъ, путавшихся въ постромкахъ.

* Плетью.

Что ты качаешься, какъ пивная бочка, по двору? — сказалъ выведенный изъ терпѣнія *Стецько* дворнику *Працьку*, толстому мужику съ огромными усами, которыми могъ онъ хвалиться предъ любимъ сомомъ Остра; — не видишь, что эти бѣсенята не дадутъ мнѣ запречь кобылъ. Загони ихъ въ *оцарокъ*, куда запираютъ телать.

Э, загони! какой ихъ лихой загонить туда, — отвѣчалъ флегматикъ *Працько*. Буду гоняться за ними по двору, какъ сумасшедшій, да-й только! лучше распряги *перисту*, да веди въ *оцарокъ*, а я поведу *мышасту*, да *чубару*, отъ тогда лошаата побѣжатъ за ними, а мы и запремо ихъ тамъ.

Стецько, убѣдившись доводами дворника, распрягъ совсемъ уже было запряженную

перистую, повелъ ее въ оцарокъ. Працько взялъ остальныхъ двухъ, и пригласивши на помощь Сигкляшну и Яедошку, коскакъ успѣли запереть неотвязчивыхъ лошонковъ.

Теперь, помогай мнѣ запрягать, куда опять переваливаешься? сказалъ *Стецько*, все еще досадовавшій на безпечнаго дворника.

Запрягли. *Стецько* усѣвшись на повозку, насунувъ на уши шапку и положивъ подъ себя пужку, сказалъ дворнику: ну, пускай! и вихремъ помчался со двора.

Працько, вслѣдъ за нимъ, выпустилъ стаю лошонковъ, швырнувъ въ нихъ нѣсколько разъ комьями земли.

Тпру, тпру! закричалъ благимъ матомъ *Стецько*, растерявъ вожжи и придерживая одною рукою шапку, отъ сильного упора воздуха, при быстромъ бѣгѣ, ползшую съ его головы; — *тпру, периста благовисна!* — Но перистая вмѣсто того, чтобы бѣжать по дорогѣ въ Нѣжинъ, неслась къ плотинѣ, имѣя въ виду укромный пріютъ хозяина, задавшаго ей предъ самымъ путешествіемъ въ Нѣжинъ добрую порцію овса; а потому никакія убѣдительныя *тпру*, ни даже самыя упреки со стороны *Стецька*, не помогали. Повозка неслась стрѣлой по плотинѣ, а мышастая и чубарая, вистуя перистой, вытянулись въ струнку, побрыкивая иногда, если чурть удавалось осадить которую изъ нихъ къ длинной повозочной оси. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, *Стецько*,

отложивъ уже всякое попеченіе удерживать не укротимыхъ кобылъ, старался только править прямо по дорогѣ, чтобы не попасть въ Остерь, или въ провалье.

Бѣгъ оруженосца Нѣжинскаго Полковника кончился у самага порога хаты козака Сидора Кушки, которому принадлежала перистая.

Кушка завернулъ экипажъ *Стецька* въ обратный путь, сдѣлавъ наставленіе оруженосцу, какъ дѣйствовать для отвращенія обычныхъ норововъ перистой, и, ударивъ ее нѣсколько разъ *пужаломъ пужки* * по мордѣ, пожелалъ *чуръ* счастливой дороги.

* Рукотыю плети.

Стецько, въ этотъ разъ, поѣхалъ благополучно.

Полковникъ ничего не зналъ о походе *Стецька* и торопился собраться въ путь, желая поспѣть къ ранней обѣднѣ въ Нѣжинь.

Попрощавшись съ Софіей, Острианица и Постыличъ уѣхали.

Прелестно рисовался Полковникъ на лихомъ воронѣ; богатый козацкій нарядъ, блестящее вооруженіе, игравшее лучемъ восходящаго солнца, придавали осанкѣ его благородную величавость. Острианица съ трудомъ могъ укротать пылаго коня, нехотѣвшаго идти шагомъ.

Побѣжайте впередъ, Стефанъ Федоровичъ, — сказала Остриница Постыличу, — можетъ воронъ будетъ идти покойнѣе за вашимъ конемъ.

Эсаулъ побѣжалъ впередъ.

Путники пробирались по узкой тропинкѣ, держась праваго берега Остра.

Дикій, но величественный видъ представляли въ то время окрестности Нѣжина. Темный боръ, простирившійся отъ хутора Полковника до городскаго вала, состоялъ изъ дубовъ и липъ, пережившихъ многія поколѣнія обитателей Малороссіи; густые кустарники боярышника, бузины и дикаго орѣха, переплетенные хмѣлемъ, представляли природныя клумбы, лѣтомъ не освѣ-

щаемыя солнцемъ. Стаи утокъ и дикихъ гусей покрывали воды Остра, заросшія водяными лиліями и ряской.

Выбравшись на большую битую дорогу, идущую изъ Борзны въ Нѣжинъ, старшины побѣжали крупною рысью.

Сторожевой козакъ на валу, издали увидѣвъ Полковника и Эсаула, началъ кричать и махать шапкою Сотнику, бывшему въ этотъ день въ караулъ, и читавшему покойно псалтырь подъ копною сѣна, приготовленнаго для козацкихъ лошадей. Сотникъ въ ту же минуту послалъ сказать священнику и всемъ Старшинамъ о пріѣздѣ Полковника, самъ поспѣшилъ отпереть ворота; козаки высыпали изъ балагановъ, и построились въ лаву.

Послѣ обычныхъ привѣтствій: *здравствуйте, хлопцы! Будь здоровъ, Батьку нашъ, Степанъ Ивановичъ!* — Полковникъ и Эсаулъ слѣзли съ коней, пошли въ церковь, гдѣ собрались уже все старшины полка, кромѣ запропастившагося Тяпки.

Полковникъ положилъ три земные поклона предъ иконами возлѣ Царскихъ вратъ, поклонился народу на обѣ стороны и остановился на правомъ клиросѣ.

Литургія началась. Діаконъ кадиль предъ образами мѣстными и въ притворахъ храма.

Въ это время, незамѣтно, пробрался въ церковь Тяпка, обезумѣвшій съ перепоя; остановился въ притворѣ возлѣ образа

Св. Георгія Побѣдоносца, надѣлъ на голову изваянную шапку, и когда діаконъ подошелъ кадить, онъ повернувшись тыломъ къ образу, снявши свою кабардинку, преважно приглашалъ церковно-служителя на завтракъ къ шинкаркѣ *Вицкѣ*, гдѣ они частенько сходились съ діакономъ.

Такой соблазнъ со стороны Тяпки, почитавшагося ученѣйшимъ и дѣловымъ чело-вѣкомъ въ Нѣжинскомъ и даже въ другихъ полкахъ, произвелъ общее волненіе въ народѣ.

Полковнику сказали о поступкѣ писаря. Дружка Тяпку схватили два дюжые козака подъ руки и окаянный очутился въ холодной, въ городовой Судь.

Полковой писарь Нѣжинскаго полка, Сидоръ Ѳомичъ Тяпка былъ замѣчательнымъ лицомъ своего времени. О немъ гремѣла молва даже въ Полтавѣ, Золотоношѣ и Голтвѣ, не говоря уже о Прилукахъ, Переяславлѣ и другихъ ближайшихъ мѣстахъ къ его обители. Сидоръ Ѳомичъ зналъ наизусть козацкія регулы, Литовскій статутъ и Магдебургское право; говорилъ по Польски и бѣгло писалъ на этомъ языкѣ, былъ страшный сутяга и ябедникъ, знавшій почти всѣхъ просителей въ Малороссіи; бравшій не дорого за написаніе прозѣвъ: десятокъ бубликовъ, штофъ горѣлки, колбасу и золотыи или два деньгами. Можно даже предположить, что со временъ проклятаго Тяпки, писавшаго такъ дешево просьбы, вкоренилась

въ Украинѣ гибельная страсть къ тяжбамъ, уничтоженная теперь мудрыми отеческими законами, сообразными съ нравами и обычаями народа Русскаго, и болѣе распространяющимся просвѣщеніемъ. Но въ то время, Тяпка былъ сущій оракулъ. Просудившіеся козаки, заложивши даже за вѣтную *Будымку* *, чтобы приобрѣсть снадобья для поднесенія писарю, приходили пѣшкомъ издалека посовѣтоваться съ нимъ

Такъ подвизался Сидоръ Ѳомичъ. Нѣжинскій Полковникъ не любилъ его, жемалъ-бы имѣть другаго писаря и даже часто говаривалъ объ этомъ старшинамъ

* Винтовку.

полка; но чрезвычайной недостатокъ въ людяхъ письменныхъ, въ то время, заставлялъ терпеть и подобныхъ Тяпкъ.

Теперь, обратимся вновь къ разсказу, прерванному нами, по случаю описанія похиженій знаменитаго Сидора Фомича.

Еще до пріѣзда Стефана, старая Фекла, няня Софій, исправлявшая должность хозяйки въ городскомъ домѣ Остряницы (когда онъ съ семействомъ жилъ на хуторѣ), занялась приготовленіемъ закуски и обѣда для старшинъ, имѣвшихъ провести этотъ день у Полковника. *Стецько*, благополучно и весьма шибко прибывшій въ Нѣжинъ, помогъ Феклѣ привести все въ порядокъ въ домѣ, т. е. подмести полъ, снять паутину по угламъ и т. п. Фекла и *Стецько*,

окончивши свои дѣла, весело ожидали Полковника, сидя на прилавкѣ возлѣ воротъ, и только юркнули въ калитку, когда увидѣли, что народъ толпился уже изъ церкви.

Няня пошла на кухню приготовить пироги съ творогомъ и достать съ ледника сметаны. Отворивши дверь, аккуратно съ наружи запертую, о! ужась, что увидѣла она: котиче — мартынъ, стащивъ съ полки деревянную чашку, изъ предосторожности обвернутую Феклой въ ея старой передникъ, возился съ пирогами по полу, не дожидая сметаны; всѣ ихъ переваливалъ въ песокъ, которымъ усыпала старуха полъ кухни, — нѣкоторые пироги изгризъ до половинъ, изъ другихъ вы-

тащиль творогъ; а одинъ, самой огромный, испеченный Ѳеклою для себя и *Стецька*, тогда только начиналъ уписывать, мурныча, когда вошла старуха. Брысь, брысь, проклятый! вопила Ѳекла, гоняясь за котомъ по комнатъ съ вѣникомъ въ рукъ, понавшимся ей подъ ноги возлѣ порога; *отъ я тебѣ, гладкій!*...

Но это была бесполезная суета со стороны кухарки, какъ мы уже видѣли, и даже вредная, какъ увидимъ сей часъ. Коть мартынь опроретью бросился на лавку, потомъ въ окно, и — стекла какъ не было. Ѳекла только всплеснула руками.

Въ такомъ положеніи засталъ ее *Стецько*, отъ имени Полковника пришедшій поздравить Ѳеклу съ праздникомъ и

взять пироги, потому что старшины уже пришли и начали пить водку.

Старуха проворно достала *кавьяру**, балыка и сельдей, приправила все это и понесла въ свѣтлицу. Коть-мартынь, сидя на крышкѣ сарая, поглядывалъ на Ѳеклу и облизывался; она погрозила на него кулакомъ.

Здравствуй, Ѳекла! сказалъ Стефанъ, — ты загордилась и встрѣтить меня не вышла?

Э, добродію! загордилась, *не при васъ будь сказано*. Прислужился мнѣ проклятый мартынь за то, что я его такъ баловала, — отвѣчала старуха, и рассказала о несчастіи съ пирогами.

* Икры.

Стефанъ, желая утѣшить горевавшую Оеклу, поднесъ ей рюмку сливянки, которую старуха долго не хотѣла пить, и наконецъ выпила въ нѣсколько приѣмовъ, морщась и утирая губы рукавомъ.

Къ счастью собравшихся въ домъ Полковника, все то уцѣлѣло, что было въ печи: борщъ, рубцы, *балабушки* *, и жаркое; слѣдственно, была полная надежда на сытный обѣдъ.

Острианица просилъ гостей съ нимъ откушать, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда поговорить о войсковыхъ дѣлахъ, и посоветоваться о смѣщеніи безбожнаго Тяпки.

Въ то время, хотя Полковникъ былъ и неограниченный властелинъ въ своемъ полку,

* Балабушки — родъ аладьевъ.

но держась обычаевъ козацкихъ, рѣдко что предпринималъ безъ рады старшинъ, а если дѣло важное, то и всего товариства. Смѣщеніе полковаго писаря было дѣло не маловажное; а потому Острианица хотѣлъ сдѣлать это съ общаго согласія, тѣмъ болѣе, что окаянный, по уставамъ церкви, подлежалъ эпитиміи, за безумный поступокъ свой въ храмъ Божию.

Рѣшили: писаря смѣнить, опредѣливъ на его мѣсто помощника Филиппа Гайдара, челоуька мало-грамотнаго, но честнаго и не пьянаго.

Уладивъ дѣло Тяпки, Полковникъ раскланялся съ старщинами, желая заняться дѣлами въ своей канцеляріи.

ГЛАВА VI.

Въ Переяславль, на большой площади, возвышался палацъ Старосты, бывшій въ развалинахъ четыре года послѣ пораженія Поляковъ въ 1628 году, вновь исправленный и перестроенный въ Гетманство измѣнника Перевязки.

Въ немъ помѣщался по прежнему Воевода Брацлавскій, по прежнему мучилъ не-

счастливыхъ жителей, пилъ ихъ кровь, въ каждомъ кубкѣ токая.

Переяславль, по сказанію Боплана, обширнѣйшій изъ городовъ Малороссійскихъ, представлялъ въ то время видъ огромныхъ руинъ. Большая часть домовъ стояли безъ крышъ, оконъ и дверей; несчастные обитатели ихъ, убѣгая рабства, переселились въ низовья Днѣпра. Стаи голодныхъ собакъ бродили по опустѣвшимъ улицамъ; не видно было нигдѣ никакого движенія, никакой промышленной дѣятельности. — Лишь изрѣдка показывались экономы Старосты и отряды гусаръ, съ длинными бичами, гоняшіе толпы жителей на панскую работу, уже безъ счету урочныхъ дней и не исключая праздниковъ. Соборный храмъ Перея-

славскій, въ которомъ несчастные обитатели Малороссіи такъ трогательно торжествовали день своего освобожденія послѣ Переяславской битвы, оплакивали падшихъ въ священной брани сыновъ и братьевъ, были обращены въ конюшню для каретныхъ лошадей развратнаго вельможи. Прочія церкви, по-прежнему, отданы въ аренду жидамъ.

Полупьяный Староста, съ огромнымъ кубкомъ въ рукахъ бражничалъ, не принимая даже труда спросить о причинѣ воплей, раздававшихся подъ самими окнами палаца на площади, чрезъ которую, въ то время, гнали толпу оборванныхъ, горько рыдавшихъ Руссиновъ.

Въ ренцы, Пана добродзья! воскликнулъ качавшійся на стулѣ хозяинъ гостю

своему, Подскарбію Кіевскому, Коменданту города Остра. Прошу выпить до дна и пожелать удачнаго конца нашему предпріятію. По истинѣ, я не имѣю у себя преданныхъ людей, продолжалъ Староста, — этотъ *гиць* Паць и вахмистръ Пѣтухъ, гдѣ то пропали съ душами и тѣлами, если впрочемъ они имѣли души. При послѣднихъ словахъ Воевода засмѣялся смѣхомъ Силеня, на котораго онъ былъ похожъ бугристымъ носомъ и вздутыми багрово-красными щеками.

Собесѣдникъ Старосты, опорожнивъ стопу, опрокинулъ ее на серебряный подносъ, желая показать этимъ, что въ ней ничего не осталось.

Пріятели обнялись и поцѣловались.

Люблю друга! воскликнулъ хозяинъ; — за то и у меня ничего нѣтъ завѣтнаго для пана; даже готовъ жодѣлиться дичинкою, если только мы ее изловимъ; *якъ Бога кохамъ*, готовъ!

Подскарбій, пожавши руку Старость, отвѣчалъ: я буду служить пану четырьмя человекъми, за вѣрность которыхъ отвѣчаю.

— Вашихъ четыре, да уменя шесть *лайдаковъ* съ Литвиномъ; не ужели они не могутъ забраться въ гнѣздушко нашей горлицы? замѣтилъ Староста.

Это не легко — отвѣчалъ Подскарбій, — хуторъ *холопа Степки* — настоящая медвѣжья берлога, ни сколько не похожая на гнѣздо горлицы; трудно изъ нее вы-

браться, кто попадетъ туда. Впрочемъ, мы обождемъ, покуда воротятся ваши посланные; можетъ, они успѣютъ и безъ моей помощи.

Легко понять, что развратные вельможи толковали о добродѣтельной Софii, храбростию *Теськи* избавившейся отъ ихъ рукъ, и напрасно ждали соумышленниковъ своихъ шляхтичей, тѣвшихъ на днѣ Остра; но они еще не знали объ этомъ.

Хлопче! закричалъ Староста, захлопавъ въ ладони. — *Везъ шклянки* и принеси еще флягу токая.

Молодой козачекъ, одѣтый въ черкесское платье, спѣшилъ исполнить приказанiе господина.

Гей, лайдакъ, почекай! Вели послать въ Бубновъ и узнать не пришелъ ли туда Литвинъ Паць; если онъ тамъ, то гнать его сюда *кїями*.

Слухамъ, вельможный панъ, — отвѣчалъ малютка, унося трофеи побѣдъ Старосты и Подскарбія.

Новая фляга явилась на столъ и опять повторялось: *въ ренцы пана! якъ пана кохамъ!* и т. п., доколь отвратительное бражничанье прервано было тѣмъ же козачкомъ, доложившимъ, что Литвинъ Паць явился на дворъ Палаца и просить позволенія предстать.

Назвавъ нѣсколько разъ *лайдакомъ, псомъ* и прочими подобными наименованіями, бѣд-

наго, невиннаго козачка, полудурѣвшій отъ венгерскаго Староста велѣлъ ввести Литвина въ ту комнату, въ которой они бесѣдовали съ Подскарбіемъ, потому-что самъ не въ состояніи былъ выйти изъ нее.

Литвина впустили.

Что-жь *гиць, пся впра!* гдѣ холопка?

Литвинъ упалъ въ ноги. Виновать, *яснѣ-вельможный панъ*, безъ вины виновать. Я просился у проклятыхъ хохловъ, чтобъ и меня повѣсили, да не захотѣли *окаинные*; а вытолкали въ зашей изъ хутора.

Какъ, чтобъ и тебя повѣсили! развѣ повѣсилъ кого?

Не повѣсили, *яснѣ-вельможный панъ*, а утопили въ Острѣ, отвѣчалъ Литвинъ.

Да кого, *пся впра?* закричалъ Староста, топнувъ ногою.

Вахмистра Пѣтуха и прочихъ шляхтичей, отвѣчалъ дрожавшій Паць.

Староста заревѣлъ подобно звѣрю, пѣна брызгала изъ его огромнаго рта. Какъ, утопили! моихъ гусаръ утопили? о! я не потерплю этого; сожгу гнусную берлогу, разорю Нѣжинъ узнаютъ они мой гнѣвъ, проклятые холопы. Король тоже не допуститъ, чтобы шляхтичи Польскіе были умерщвляемы безнаказанно. А если мнѣ не окажутъ правосудія, я самъ имѣю столько силы, что могу обратить въ пепель гнѣздо схизматиковъ, *лайдаковъ*. . . .

Наконецъ пьяный Староста отъ гнѣва выбился изъ силъ и замолчалъ.

Литвинъ лежалъ на полу *кришжемъ*, ежеминутно ожидая смерти.

Подскарбій, выждавъ, покуда бѣшенство знаменитаго Воеводы нѣсколько прошло, сказалъ: дѣлать нечего, мой вельможный *пань-пріицелю*, мертвыхъ не воскресишь и надо думать вновь, какъ бы уладить наше дѣло. Покуда разоримъ проклятый холопскій притонъ, будемъ дѣйствовать осторожно, чтобы не накликать вновь *Тарасовой ночи*. Поговоримъ хладнокровнѣе объ этомъ дѣлѣ. Я все стою на томъ, что нашу горлицу надо увезти, а не похитить сплюю, иначе можемъ надѣлать много шума.

Холопа Степку не должно затрогивать открытою силою въ нынѣшнее смутное время; придумаемъ другой способъ, а Литвинъ пособить намъ.

Бѣдный Паць вскочилъ на ноги и завопилъ: тѣломъ и душою радъ *служить* вамъ, *яспь-вельможные* паны!

Староста успокоился. Открылось совѣщаніе.

Рѣшили, что Подскарбій дастъ своихъ четырехъ человекъ, Староста назначить шесть, самыхъ надежныхъ, а Литвинъ будетъ предводителемъ; что Паць будетъ скрываться въ лѣсу съ шестью шляхтичами Старосты, четыре же человека Подскарбія, переодѣтые въ козацкія платья,

должны перепойть сторожевыхъ козаковъ въ усадьбѣ Острияницы, и при помощи своихъ товарищей, похитивъ ночью Софію, привезти ее въ Остеръ, чтобы отклонить подозрѣніе со стороны Стефана о мѣсть пребыванія его жены. И наконецъ, покуда дѣло по-утихнетъ, Старость не выѣзжать изъ Переяславля, усилить гарнизонъ въ этомъ городѣ и быть въ готовности къ отраженію силы силою, если Полковникъ Нѣжинскій рѣшится напасть на него вооруженною рукою.

Литвина отпустили съ угрозою: непременно уморить голодомъ его жену и дѣтей, если онъ измѣнитъ Старость или будетъ лукавить.

По окончаніи совѣщанія и по уходѣ Паца, доложили Воеводѣ Брацлавскому о прибытіи новаго лица, весьма достойнаго присутствовать при вакханаліяхъ знаменитыхъ вельможъ Польскихъ. Это былъ нашъ Нѣжинскій знакомецъ, Сидоръ Ѳомичъ Тяпка, заблагодарасудившій принять Унію, чтобы избавиться отъ эпитиміи, за подвиги свои въ Нѣжинѣ.

Тяпка, по отрезвленіи, отосланъ былъ въ Кіевъ, съ дюжымъ дячкомъ Грицкомъ Запиваломъ, вхавшимъ туда для постриженія въ діаконы. Сидоръ Ѳомичъ, подививъ Запивала на первомъ ночлегѣ, пустился прямо въ Переяславль, къ знаменитому Воеводѣ Брацлавскому, желая поступить въ его службу и принять Унію.

Староста и Подскарбій обрадовались такою находкѣ; поднесли Сидору Ѳомичу большую стопу увеселяющаго зеляя, которое Тяпка, трясшійся отъ перепоя, проглотилъ съ жадностію, — и приняли его въ Польскую службу, наименовавъ шляхтичемъ, паномъ Сидоромъ Тяпчинскимъ. Но какъ вельможи Польскіе были и добрые католики, то немедленно отправили новаго слугу Рѣчи Посполитої, къ Уніятскому Епископу въ Переяславль, для принятія наставленій въ правилахъ православія Римской церкви.

Тяпка равнодушно, или лучше сказать, бездушно, исполнилъ все обряды обращенія, торопясь возвратиться въ палацъ Старосты, за новою подачкой романенъ.

Ну, панъ Тяпчинскій, сказалъ Староста явившемуся ново-крещенцу, — теперь ты имѣешь прекрасный случай оказать усердіе къ службѣ нашей, добрымъ совѣтомъ, а можеть и самымъ дѣломъ. Староста рассказалъ Тяпкѣ о замыслахъ противу жены Стефана.

Сидоръ Ѳомичъ не усумнился предложить свое содѣйствіе потому, что завѣтная стопа пѣннику уже блестяла въ рукахъ Старосты, предлагавшаго ее Тяпкѣ. Выливъ напитокъ въ горло до одной капли, новый шляхтичъ - Уніать, отвѣчалъ Старостѣ: дѣло это нетрудно уладить, если только, *яспіть-вельможный панъ* не поскупится деньгами, для доброй попойки, которую я надѣюсь задать на хуторъ Остря-

ницы. Въ Нѣжинѣ и въ деревенскомъ домѣ Полковника, никто не знаетъ о моемъ бѣгствѣ потому, что дьячекъ Запивало не возвращаясь въ Нѣжинѣ, отправился въ Кіевъ. Я могу явиться въ хуторъ подъ защиту Полковницы, — какъ дѣлалъ уже прежде, когда Остряница сердился на меня, — стану просить еѣ о заступленіи предъ мужемъ, а между тѣмъ перепою дворню и успѣхъ въ дѣлѣ будетъ вѣренъ. Надобно только, чтобы ваши посланные меня выручили, если провѣдаютъ о побѣгѣ моемъ съ дороги, и, Боже сохрани, о обращеніи въ Унію.

Староста и Подскарбій увѣрили новаго Іуду въ крѣпкой помощи и въ своемъ покровительствѣ; задали ему еще нѣсколько

стоць ромонон, дали денегъ и дѣло было слажено. Тяпка поступилъ въ команду Литвина, которому сказано было, подь рукой, смотрѣть за нимъ, а болѣе всего наблюдать, чтобы дѣловой челоувѣкъ не спился съ кругу прежде, нежели достигнетъ завѣтнаго хутора.

Такъ строили ковы развратные вельможи Польскіе Полковнику Нѣжинскому, безнечно хлопотавшему тогда по войсковымъ дѣламъ, въ своей резиденціи.

ГЛАВА VII.

Грустила бѣдная Софія въ отсутствіе Стефана. Взявъ на руки сына, для развлечения, пошла она по всемъ кладовымъ, ледникамъ, погребамъ, заглянула въ кухню, (небравясь впрочемъ и не визжа на весь дворъ, какъ дѣлають это многія добрыя хозяйки въ Малороссіи), наконецъ зашла въ маленькій садикъ возлѣ дома, прилегавшій къ берегу Остра. Передавъ Петруся на руки Усть *, служанкѣ поступившей на

* Густивъ.

мѣсто *Тески*, Софія усблась шить подь тѣнію липы.

Прослали большой коверъ; Петрусь лазилъ по немъ, забавляя мать дѣтскимъ лепетаньемъ. Софія нѣсколько поразвеселилась, обнимала сына и смѣялась его разсказамъ.

Добродушная *Устя*, валялась на коврѣ, дѣлала разныя гримасы малюткѣ, стараясь размѣшить его. «Баранъ, баранъ, бучки,» сказала *Устя*, подставляя свой лобъ дитяти, и отскакивая отъ него, когда тотъ подползалъ къ дѣвущкѣ. Дитя заливался отъ смѣха.

Въ это время чрезъ сквозные стѣны *будинокъ* прошелъ человекъ въ истергомъ

кафтанѣ, въ измятой, изломанной шапкѣ, съ сизымъ носомъ, трясущеюся головою, и тусклыми не подвижными глазами, имѣвшими цвѣтъ олова. *Сапьяны* его были въ дыркахъ. Чубъ прищельца нечесанный давно, подобился хвосту мыска, лежаваго въ присинкахъ и не лаяваго на посѣтителя.

Красавецъ направилъ стопы къ липѣ, подь которою сидѣла Софія.

Сидоръ *Томичъ*! — воскликнула *Полковница*, — давно-ли-вы, изъ *Нѣжина*?

Сего дня, — отвѣчалъ гость, и судорожная улыбка пробѣжала по его синему лицу.

Видѣли-ли-вы, *Стефана*? а можетъ онъ самъ прислалъ васъ ко мнѣ? — спросила

молодая женщина, встревожась сама не зная чего.

Стефана Ивановича я видѣлъ, онъ здоровъ, слава Богу; только не онъ меня послалъ къ вамъ, а я убѣжалъ подѣ вашу защиту и покровительство, Софія Васильевна. Ради Бога, уговорите Полковника не лишитъ меня мѣста. Согрешили окаянный, загулялъ, не явился когда Стефанъ Ивановичъ прѣѣхалъ въ Нѣжинъ, и вотъ попалъ въ бѣду. Отвратительный предатель пытался заплакать.

Софія обѣщала попроситъ мужа когда онъ возвратится изъ Нѣжина; до того же предложила Тяпкѣ остаться на хуторъ.

Писарь поцѣловалъ руку Полковницы и ушелъ въ село за рѣку.

Между тѣмъ наступилъ полдень. Софія, по старинному обычаю Русскаго народа, желая служить хлѣбомъ и солью, послала пригласить Тяпку къ обѣду; но писарь закутилъ уже съ сторожевыми козаками. Около шинка, возлѣ дороги, за рѣкой, противу самыхъ оконъ панскаго дома, были слышны шумныя восклицанія, хохотъ и пѣсни. Со двора Полковника, — кромѣ Сигклитины и Уети, — всѣ, одинъ за другимъ, тоже перебрались за рѣку.

Полковница досадовала сама на себя, что позволила Тяпкѣ остаться на хуторъ. Ей даже нѣкого было послать въ село, чтобы позвать прислугу: Сигклитина занималась въ кухнѣ, рабочіе были

въ полѣ, а *Устя* должна была смотреть за дитятей.

Въ раздумьи усмалась *Софія* подь окномъ за работою, и должна была по неволѣ глядѣть на шумное веселье писаря.

Послѣ обѣда пиршество *Тяпки* достигло полного развитія. Въ это время, даже старая *Горпина*, мать *Оеськи*, мѣтившая уже сама въ наньи, безбоязненно бросивъ кужель на завалину, закружилась въ толпѣ танцующихъ, припѣвая:

«Танцовала рыба зъ ракомъ,

А петрушка зъ пустернакомъ,

А цыбуля зъ часныкомъ,

Стара баба съ козакомъ.

Цыбулица дивуется

Якъ-се добре танцуется», и проч.

Горпина, въ этотъ день, забывъ свои пятьдесятъ лѣтъ, носилась кубаремъ во кругъ писаря.

Тяпка веселился на распашку, выплясывалъ предъ *Горпиною* въ присядку и приговаривалъ:

«А хто любить гарбузь, гарбузь,

А я люблю дыньку;

А хто любить господаря,

А я господыньку!»!

Чудная парочка эта порхала до вечера, доколѣ *Оеська*, выведенная изъ терпѣнія бѣснованіемъ матери, увела ее насильно домой.

Прочіе бабы и козаки, сопиршествовавшіе *Тяпкѣ*, тоже не щадили своихъ подковъ и сапьянцовъ.

Вечеромъ воротились работники съ поля. Софія послала одного изъ нихъ въ шинокъ звать дворника *Прицька* и другихъ тунелдцевъ, кутившихъ съ писаремъ. Въ слѣдъ за ними явился и самъ Сидоръ Ѳомичъ, съ извиненіями; но раздосадованная Полковница велѣла ему сказать, что ей нѣкогда съ нимъ толковать, и чтобы онъ убрался въ *клубу*, — или куда ему угодно — почивать, и не беспокоилъ бы ее.

Тяпка употребилъ съ пользою для своего предпріятія, изгнаніе объявленное ему. Заманулъ въ шинокъ всѣхъ работниковъ, перепоялъ ихъ, нашелъ рыбацью лодку на берегу Остра, притащилъ ее къ тому мѣсту гдѣ стояла липа, подъ которою засталъ онъ Софію, размѣстилъ свою банду

въ кустахъ, прикинулся мертвецки пьянымъ, и улегся въ углу въ сѣняхъ *будинокъ*.

Добродушная Полковница не велѣла трогать его до утра, даже приказала подослать цыновку, положить подушку и перекатить Тяпку на это ложе, не желая видѣть человека, по мнѣнію ея несчастнаго своею страстію, валяющимся, подобно животному, на голой землѣ. Худо отплатила эта тварь Софіи, за ея добродушіе!

Съ захожденіемъ солнца, Полковница, по обыкновенію, велѣла, чтобы куренный атаманъ и всѣ сторожевые козаки заняли свои посты, и чтобы во дворѣ былъ присланъ караулъ. *Устя* доложила ей: что *Працько* языка во рту не ворочаетъ, а

работники тоже мертвецки пьяны; но что сторожа пришли, и слышно, разговариваютъ возлѣ воротъ. Софія больше не безпокоилась.

Продолжались обыкновенныя вечернія занятія. Выдоили коровъ, сцѣдили молоко; Софія пересмотрѣла кувшины, велѣла снести ихъ въ молочникъ и заперла. Сигклитина сварила къ ужину *кулишъ* *, изжарила сырники, выдала все это въ будинки; потомъ занялась подмазкою *комина* въ печи, *припичка*, мытьемъ стола, *лавъ*, посуды, и поужинавъ улеглась съ *Явдошкой* на *полу* **, подперши двери изъ

* Жидкую кашу.

** На нарахъ.

внутри кочергой, какъ всегда дѣлалось. Панья тоже не долго мѣшкала: поужинавъ на легкѣ, закачавши Петруся, и велѣвъ *Усть* лечь возлѣ люльки, помолившись Богу, слѣзла она на высокую кровать, нырнула въ перины, спросивъ десять разъ *Устю*, всѣ-ли двери заперты?

Наступила полночь; на дворъ было пасмурно, ни зги невидно. Громъ, по временамъ, отзывался глухимъ эхомъ въ отдаленіи, молнія, почти непрерывно, освѣщала горизонтъ, подобясь свѣтлому оку сѣраго волка, во тьмѣ мигающему рѣсницами.

Софія не спала, завернулась съ головою въ одѣяло, и не рѣшалась послать изъ комнаты *Устю*, за кѣмъ нибудь изъ женщинъ жившихъ во дворѣ.

Наконецъ, раскаты грома сдвигались ближе и чаще; нависла черная туча; раздался сильный удар и трескъ; молнія ломаной линіей пробѣжала по всему горизонту. Софія вскочила и села на постель, приказывая *Усть* позвать когонибудь въ свѣтлицу.

Дѣвка, въ просонкахъ, побѣжала изъ комнаты, кинувъ дверь на-стыжь.

Въ это время Софія, боясь уже не за себя, а за сына, спрыгнувъ поспѣшно съ кровати, пошла къ люлькѣ, и — попала въ объятія дюжого шляхтича, схватившаго ее одною рукою поперегъ, а другою зажавшаго ротъ.

Разбойникъ вынесъ свою жертву въ сѣнцы, передалъ ее на руки товарищамъ и въ тоже время несчастной завязали ротъ платкомъ.

Закутавъ Софію въ гусарскій плащъ, ватага развратнаго Старосты, подъ предводительствомъ отрезвившагося Тяпки, ушла въ лодку приготовленной предателемъ и уплыла въ низъ Остра.

Въ полу-верстѣ отъ хутора, ожидала ихъ жидовская крытая брика. Приставъ къ берегу, и уложивши Софію въ жидовскія перины, разбойники, по лѣвому берегу рѣки помчались къ городу Остру.

Несчастный Стефанъ лежалъ въ это время на одинокомъ ложѣ въ Нѣжинѣ и

тоже не спалъ. Грустныя думы и страшныя грезы мучили его всю ночь. Онъ чувствовалъ какое то болѣзненное сжатіе сердца, метался на постель, и будучи не силахъ противиться непостижимой тоскѣ своей, началъ плакать на-взрыдъ. Ему сдѣлалось легче. Ободрившись, Стефанъ разбудилъ *чуру* и велѣлъ подать огня.

Вы, неспали, *добродію*? сказалъ добродушный *Стецько* подавая свѣчу; — лицо у васъ чрезвычайно блѣдно. Не прикажете ли позвать *Оеклу*? она женщина старая, можетъ знать что нибудь отъ бессоницы.

Стефанъ махнулъ рукою.

Не надо, *Стецько*, отвѣчалъ онъ, — не буди ее. Я видѣлъ страшный сонъ,

а теперь что-то какъ будто сосеть за сердце.

Стецько перекрестился и замѣтилъ: васъ, сглазили, *добродію*! непременно сглазили. *Оекла* отшепчетъ это, я разбужу ее. Оруженосецъ готовъ былъ выйти; но Стефанъ вновь остановилъ его и сказалъ: чѣмъ заниматься шептами, лучше осѣдай мнѣ и себѣ коней и поѣдемъ въ хуторъ, у меня сердце чуетъ что-то недоброе; все ли у насъ благополучно?

Стецько призадумался, потомъ отвѣчалъ: мнѣ тоже не совсѣмъ ладный снился сонъ. Я всю ночь видѣлъ писаря Тянку, танцовавшаго съ нашею паньею, и еще толпу какихъ-то *Ляховъ* пьяныхъ; и что-будто

мы всѣхъ ихъ (*Ляховъ*) схватили и повѣшали на деревьяхъ.

Стефанъ чрезвычайно встревожился, прервалъ рассказъ оруженосца и велѣлъ съѣзжать скорѣе лошадей. Между тѣмъ ожидая покуда тотъ исполнитъ его приказаніе, онъ ходилъ большими неровными шагами по комнатѣ.

Въ это время вошла въ свѣтлицу *Фекла*, блѣдная, встревоженная, и спросила Стефана: вы, *добродію*, хотите ѣхать въ хуторъ?

Полковникъ отвѣчалъ утвердительно.

Охъ, поѣзжайте, *паночку-голубчикъ*, сказала старуха, — я не хорошо видѣла во свѣ мою *ластивонку-Софію*, *нехай* ей

легенько сгадається; — и вмѣстѣ съ тѣмъ, за-суетилась подать чего нибудь закусить, на дорогу.

Стефанъ выпивъ добрую чарку наливки, отъ закуски отказался.

Еще другую, мой голубчикъ, Стефанъ *Ивановичъ*, извольте выпить, да хоть кусочекъ сальца скушайте съ хлѣбомъ, сказала усердная *Фекла*, — и поспѣшила налить вишневки, изрѣзать четвертушку свѣже-просольнаго свиного сала.

Стефанъ, изъ уваженія къ старой нянѣ, повиновался, съѣлъ кусочекъ сала и выпилъ другую рюмку вишневки.

А между тѣмъ лошади были осѣдланы.

Стецько не имѣвшій времени закусить, на кухню, запасся кольцомъ колбасы, и порядочною коврыгою паланицы, былъ готовъ къ путешествію.

Воронъ не стоялъ на мѣстѣ; вѣрный *Стецько* набивъ ротъ колбасой, не въ силахъ былъ произнести *тпру!* что бы усмирить его. — Въ такомъ затруднительномъ положеніи засталъ его Полковникъ, когда вышелъ совсѣмъ уже одѣтый изъ свѣтлицы на дворъ.

Лихой конь взвѣлся на дыбы, сдѣлалъ лансась и очутился заворотами прежде нежели *Стецько* скарабкался на своего сѣрка, тоже добраго коня, но безмѣры огромнаго роста.

Острианица дала волю ворону. Легкая пыль подымалась въ видѣ вспышекъ съ подъ копытъ его; а звучное эхо вторило въ лѣсу быстрой бѣгъ коня.

Остановитесь, *добродѣтью*, сказалъ изъ-за куста Литвинъ Паць, — я хочу *отслужить* вамъ теперь за то, что вы помиловали меня.

Стефанъ осадилъ коня.

Литвинъ продолжалъ: у васъ въ домѣ не благополучно, панью Полковницу увезъ Староста, помогалъ ему въ этомъ отступникъ Тяпка, бывший вашъ писарь; и они повезли ее въ Остеръ. Я шелъ нарочно въ Нѣжинъ, чтобы сказать вамъ объ этомъ. Какъ *выручить* панью Полковникову, вы,

сами знаецъ, вельможный добродѣлю, мнѣ же велите дать коня вашему оруженосцу, чтобы я могъ скакать въ Бубновъ и освободить мое семейство.

Послѣ словъ Паца, Остриница зашатался въ сѣдлѣ и упалъ бы безъ пособія Стецька, подѣхавшаго въ это время къ своему господину.

Сдѣлавъ знакъ рукою Литвину, взять коня у чуры, Остриница помчался обратно въ Нѣжинъ.

Литвинъ усѣвшись на сѣрка, возсылая мольбы къ Богу, за добродушнаго Стефана, послѣшилъ въ Переяславль дать знать Старость о томъ, что жена Полковника

увезена въ Остеръ, и получить позволеніе взять свою жену и дѣтей изъ Бубнова, съ тѣмъ, чтобы скорѣе переселиться въ Нѣжинъ, или на родину въ Польсье.

съ *Ляхами*; только ею можемъ мы добыться правосудія!» Прочіе военачальники въ одинъ голосъ воскликнули: «смерть и гибель, Папистамъ!»

Назначено послать гонцовъ во весь ближайшіе курени съ приглашеніемъ реэстровымъ козакамъ явиться въ Нѣжинъ, налегкь, безъ обозовъ, пѣшимъ, но вооруженнымъ винтовкой, саблей и пикой. Гонцамъ приказано не разглашать, за чѣмъ требуются козаки и поспѣшить привести ихъ если можно къ ночи, впуская въ городъ малыми отрядами, что бы не съдѣлось извѣстно Полякамъ, вездѣ имѣвшимъ шпіоновъ, о замышляемомъ набѣдѣ.

Отпустивши Старшинъ и оставшись съ однимъ храбрымъ и преданнымъ ему Эса-

ГЛАВА VIII.

По возвращеніи въ Нѣжинъ, было первою заботою Полковника послать неутѣшную *Феклу* въ хуторъ и велѣть привезти къ нему сына. Послѣ этого *Остриница* велѣлъ пригласить Старшинъ на *раду*; объявилъ о своемъ несчастіи и просилъ у нихъ совѣта.

Эсауль *Постыличъ*, первый ударивъ рукою по саблѣ, съ сверкающимъ взоромъ сказалъ: «вотъ наша посредница въ спорахъ

уломъ, Стефанъ не скрывалъ уже своей горести, плакалъ на-взрыдъ. Постыличъ уговаривалъ его, стыдилъ въ излишней чувствительности для окуренного порохоу козака, и наконецъ успѣлъ успокоить нѣсколько надеждоу, что еще до разсвѣта предбудущаго дня, Софія будетъ въ Нѣжинѣ.

Грустно провелъ день храбрый Полковникъ Нѣжинскій, и когда предъ вечеромъ Фекла привезла дитя, то онъ взявъ его на руки, началъ тосковать больше прежняго.

Малютка обнялъ голову отца и по своему спрашивалъ его: гдѣ мама, мама спитъ?

Ужась обнялъ несчастнаго Полковника. Почитая-слова дитяти предсказаніемъ, онъ весь затрясся и чуть было не уронилъ сына. Фекла выхватила дитя изъ рукъ Стефана и унесла его въ другую комнату.

О, они убьютъ ее, изверги! я знаю какъ чувствительно и нѣжно это милое созданіе, — воскликнулъ Остриница въ изступленіи. — Налетимъ теперь же, любезный Эсауль, на гнусное гнѣздо разбойниковъ, не ожидая помощи отъ куреней. . . .

Постыличъ, взявъ за руку Полковника съ участіемъ, отвѣчалъ: я объявилъ вамъ, что голова моя за васъ, — да она не дорого и стоитъ; — но ваша нужна для Нѣжинскаго полка, для всей беззащитной родины на-

шей. Неблагоразумно будетъ, Стефанъ Ивановичъ, если мы съ малыми силами вступимъ въ борьбу, и падемъ, оставивъ городъ и весь край на разграбленіе смертельными врагамъ нашимъ. Вспомните ваши слова о Трясилъ, которыя вы сказали мнѣ въ хуторъ. Мужайтесь, храбрый мой Полковникъ, за праваго Бога! — Не болѣе какъ чрезъ два дня, ручаюсь вамъ словомъ добраго козака, все разбойники рядужкомъ будутъ развѣшаны въ бору, а добрая и благородная Софія Васильевна будетъ бесѣдовать съ нами здѣсь, благополучна и невредима. Мужайтесь, добрый другъ мой, — добавилъ Постыличъ, еще разъ пожавши руку Стефана, — за насъ Богъ и Святые Угодники его! Не даромъ Сигизмундъ III далъ Нѣжину гербъ св.

Георгія побѣдоносца, поражающаго змія. Змій — это мучители наши; Георгій — вы.

Острианица сказалъ грустно: Стефанъ былъ не побѣдоносецъ, а первомученикъ; потомъ нѣсколько успокоился, вельель принести сына и уже не спускалъ его съ рукъ до самаго вечера.

Съ захожденіемъ солнца, толпы ратниковъ начали стекаться въ городъ, располагаясь на площади вокругъ церкви.

Стали благовѣстить ко всеобщей и вечерней, нарочно отложенныхъ до захожденія солнца съ тѣмъ, чтобы козаки, которыхъ ожидали въ Нѣжинѣ изъ куреней, могли отслушать Божественную службу и молебенъ о успѣхъ предпріятія.

Ряды воиновъ волновались. Эсауль, сдѣлавъ знакъ о вниманіи, объявилъ козакамъ о несчастіи Полковника; обнажилъ саблю и, махая ею надъ головою, сказалъ: смерть и гибель нашимъ мучителямъ! Шумныя восклицанія: смерть, смерть *Ляхамъ!* огласили площадь.

Толпы хлынули въ храмъ. По окончаніи всенощной, по отпѣтій молебна, въ продолженіи котораго Полковникъ стоялъ на колынахъ предъ царскими вратами,—козаки начали строиться по сотенно подъ начальствомъ своихъ старшинъ.

Въ кругу воиновъ составлена рада *миромъ*, на которой опредѣлено: отрядамъ не большими толпами, туже ночь выступить

изъ города, пробратся къ Деснѣ, и въ известномъ мѣстѣ соединиться всѣмъ съ захожденіемъ солнца будущаго дня.

Остряница, Постыличъ, и еще нѣсколько старшинъ, съ отборнымъ товариществомъ, составили арьергардъ колонны.

Собралось подъ ружьемъ 2700 человекъ испытанныхъ, закаленныхъ въ бояхъ воиновъ. Поляковъ предполагалось въ Острѣ до шести тысячъ; но вытязи Украины надыялись на помощь жителей города, ненавидѣвшихъ Поляковъ и готовыхъ поднять оружіе при первомъ удобномъ случаѣ.

ГЛАВА IX.

Оставивъ мужественныхъ Нѣжинцевъ, пробиравшихся глухими тропами для кары заклятыхъ враговъ своихъ, на ковръ самолеть, перенесемъ въ стѣны комендантскаго дома въ городъ Остръ.

Наступила третья ночь по увозъ Софін. Несчастливая плѣнница не принимала никакой пищи, не хотѣла утолить палившую ее жажду. Тщетно развратный Подскарбій говорилъ ей нѣжности, стращаль заклю-

ченіемъ на всю жизнь въ отдаленномъ городѣ Польши, даже угрожалъ смертію: молодая женщина ничего не отвѣчала, глядѣла на него мутными глазами и когда Подскарбій подходилъ къ ней, хотѣлъ взять за руку, или поцѣловать ее, она подобно львицѣ вспрыгивала на ноги, грозясь растерзать развратителя своими руками и зубами.

Лице нѣкогда прелестной Софін, было искажено отчаяніемъ, безотрадною тоскою; синія пятна выступили на щекахъ и лбу ея, взоръ былъ дикій, мутный; вся физіономія несчастной показывала близкое разстройство ума, смерть отъ прилива крови къ головѣ. Подскарбій, успѣвшій опорожнить уже нѣсколько стопъ для большей

смѣлости, угадалъ наконецъ опасное положеніе своей жертвы, оставилъ ее въ покоѣ на нѣсколько времени; послалъ къ ней женщину и, какъ злодѣй утонченный, желая заставить страдалицу подкрѣпить истощенныя силы ея пицею, велѣлъ приставицамъ ѣсть въ ея присутствіи, и предлагать несчастной вкусныя, ароматныя яствы. Безполезная хитрость: Софія слабая тѣломъ, но крѣпкая духомъ, вынесла и эту пытку. Закрывъ лице руками, она упала на диванъ, на которомъ сидѣла, пролежала въ такомъ положеніи доколѣ приставницы ея кончили отвратительную трапезу, обильно запиваемую кубками меду и вина.

Опьянѣвшія бабы мучили несчастную своимъ ласпаньемъ болѣе, нежели голодъ

и жажда. Приподнявшись съ ложа, Софія именемъ Бога упрашивала ихъ выйти изъ комнаты.

Подскарбій, потерявъ надежду хитростію достигнуть желаемой цѣли, хотѣлъ испытать другое средство: велѣлъ позвать Русскаго священника и пригрозилъ ему угрожать несчастную повѣсть что нибудь.

Добродѣтельный пастырь не отъ угрозы, а по долгу святыхъ вѣры и совѣсти, началъ бѣсѣдовать съ жертвою гнусныхъ сластолюбцевъ.

Затворивъ дверь и заперши ее изънутри, священникъ усѣлся у ногъ несчастной, стараясь Евангельскими словами мира обра-

титъ на себя ея вниманіе. Служитель церкви, съ перваго взгляда увидѣлъ опасное, растроенное положеніе Софін.

— Именемъ Господа силъ убѣждаю тебя, дитя мое, ободрись, укрѣпи себя вѣрою и молитвою, сказалъ священникъ. — Я не пришелъ погубить тебя, но спасти; будемъ молиться вмѣстѣ, дочь моя! Священникъ сталъ на колѣни и началъ пѣть гимнъ «о всепѣтая мати;» — молодая женщина поверглась ницъ на полъ, рыдая.

Плачь, возлюбленная дочь моя, о Христвъ Исусъ, — сказалъ добродѣтельный пастырь, окончивъ трогательную пѣснь, — слезы облегчаютъ скорби несчастныхъ. Матерь Господа тоже рыдала у креста распятаго

сына; о! что она чувствовала тогда? какая скорбь могла равняться съ ея скорбію? Вѣра спасла и укрѣпила ее. Подражай примѣру Матери Предвѣчнаго, дочь моя, молись и вѣруй!

Несчастнай вперивъ дикій, блуждавшій взоръ на служителя Божія, кинулась цѣловать его руки.

— Успокойся, дитя мое, сказалъ встревоженный священникъ, — я, слабое твореніе, какъ весь чада падшаго прародителя нашего, ратую только во имя Господа, его святымъ именемъ убѣждаю тебя не отчаеваться. Да осѣнитъ тебя благодать Предвѣчнаго своими дарами и милостію! . .

Молодая женщина присла на диванъ, закрыла глаза и, казалось, впала въ забытіе. Потомъ вскочивъ на ноги, поднявъ руки вверхъ, воскликнула глухимъ голосомъ: — чу! . . . я слышу уже стопы грядущихъ для моего избавленія; грозный крикъ мстителей за кровь вѣрныхъ, пролитую мучителями несчастной нашей родины. . . они близко; око внутреннее мое зреть ихъ, видитъ кровь, слышитъ стонъ, вопль. . . . Несчастливая обезсилѣла и упала на полъ. Священникъ положилъ ее на диванъ.

Очнувшись, Софія вновь начала озираться дико, но успокоилась нѣсколько, углубясь во внутреннее созерцаніе и молитву. Потомъ, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна,

захотала судорожнымъ смѣхомъ, упала на полъ и начала биться. Священникъ рыдая, вторично поднялъ несчастную, но она уже не приходила въ чувство; всѣ признаки помѣшательства обнаружались.

Въ это время раздался звонъ колоколовъ въ городскихъ церквахъ, бой барабановъ, и вопли многихъ голосовъ. Железный засовъ у дверей комнаты, въ которой находились священникъ и Софія, щелкнулъ; ключи зазвенѣли, пѣньники были заперты съ наружи.

Жена Полковника, услышавъ набѣтъ, пронзительно закричала и поверглась безъ чувствъ.

ГЛАВА X.

Острианца, соединивъ отряды воиновъ своихъ на берегу Десны, ночью переправился черезъ Остеръ; употребилъ ту же хитрость, которая удалась при поражении Поляковъ подъ Переяславлемъ: провелъ ползкомъ свой отрядъ къ городу, подставилъ лѣстницы, связанныя въ лѣсу на берегу Десны, взлетѣлъ на валы прежде, нежели враги его проснулись. Переколотъ часовыхъ, захватить орудія на бастіонахъ

было дѣломъ одной минуты. Послѣ этого козаки ворвались въ средину города, зазвонили въ колокола, желая поднять жителей и получить отъ нихъ помощь. Между тѣмъ Полякамъ не было пощады; груды тѣлъ ихъ валялись въ улицахъ и вокругъ казармъ.

Стефанъ, съ отборнѣйшими козаками, осадилъ палацъ коменданта, который защищали густая колонна жолнеровъ и нѣсколько пушекъ. Поляки осыпали картечью Украинцевъ, но эти наступали крѣпко, пригнали нѣсколько пушекъ изъ бастіоновъ, установили ихъ на паперти церкви, начали стрѣлять въ колонну. Бой завязался рѣшительный. Поляки были отбиты отъ палаца; крышка и стѣны его разрушены ядрами;

во многихъ мѣстахъ замка показался пожаръ.

Стефанъ, подобно грозному ангелу смерти, врубаясь въ ряды жолнеровъ; валы изъ тѣль ихъ лежали по обѣимъ сторонамъ витязя. Постыличъ слѣдовалъ за храбрымъ Полковникомъ. Замѣтивъ пожаръ въ палацѣ, друзья употребили неизвѣрные усилія, чтобы отбить Поляковъ отъ зданія и, успѣли. Поручивъ Эсаулу сражаться внѣ палаца, Стефанъ съ дружиною отборныхъ, проникъ во внутренность зданія, объжалъ множество комнатъ и нигдѣ не находилъ чего искать. Острианица былъ въ отчаяніи, полагая себя обманутымъ, и уже хотѣлъ воротиться на площадь съ тѣмъ, чтобы не давая времени собраться съ силами

Полякамъ, нагрянуть на гнуснаго Старосту Переяславскаго въ его гнѣздѣ, когда на двери одной изъ угольныхъ комнатъ замѣтилъ висѣвшій замокъ, услышалъ внутри покоя болзненный стонъ. Дверь разломали, и глазамъ Острианицы предстало ужасное зрѣлище: священникъ облитый кровью, лежалъ на полу, обломокъ бревна упавшаго съ потолка, раздробилъ ему лѣвую руку. Софія лежала безъ всякихъ признаковъ жизни на диванѣ. Стѣны комнаты, изстрелянныя ядрами, дрожали, готовы были развалиться.

Схвативъ на руки трупъ возлюбленной, Острианица, въ изступленіи, побѣжалъ изъ комнаты самъ не зная куда. Священника козаки подняли, перевязали его рану, и

отнесли на паперть храма, гдѣ стояли пушки.

Нѣжинцы, при пособіи жителей Остра, истребили Поляковъ почти совершенно; которые остались въ живыхъ, разбѣжались по полямъ вѣтъ города. Солнце озарило однѣ-лишь тлѣвшія развалины палаца и груды тѣлъ. Комендантъ и офицеры гарнизона схвачены. Постыличъ, желая сдержать слово свое Стефану, еще до восхожденія солнца повѣсилъ всѣхъ ихъ на деревьяхъ въ ближайшей рощѣ. Жиды тоже изрублены до послѣдняго.

Очистивъ городъ отъ непріятелей, Эсауль возвратился къ развалинамъ палаца на площади, и велѣвъ сыскать священника, самъ

взошелъ на паперть храма. — Но что же онъ увидѣлъ? Между пушками, опершись объ одну изъ нихъ спиною, сидѣлъ Стефанъ и держалъ въ объятіяхъ трупъ супруги; возлѣ лежалъ окровавленный священникъ, перенесенный туда козаками, и не смотря на ужасную боль, чувствуемую имъ въ рукѣ, увѣщевалъ несчастнаго неотчаеваться, полагаясь на промысль Всевышняго. Добродѣтельный старецъ, оставшеюся рукою оцупавъ тѣло молодой женщины и находя въ немъ нѣкоторые признаки жизни, ободрялъ и утѣшалъ Полковника, а болѣе старался укрѣпить его совѣтами любви и терпѣнія, показывая собою неподражаемый примѣръ этихъ высокихъ добродѣтелей.

Постыличь, взглянувъ на группу, невольно упалъ на колѣни, поцѣловалъ руки священника и Полковницы, не въ состояніи будучи говорить за рыданіями задушавшими его

Стефанъ сидѣлъ подобно мраморной статуѣ и, казалось, не слышалъ ничего; но когда увидѣлъ друга своего рыдавшимъ, самъ началъ плакать, потомъ позволилъ взять тѣло жены и отнести его въ церковь.

Эсауль, успокоивъ Полковника и друга своего, какъ только можно было успокоить челоуѣка, находившагося въ подобныхъ обстоятельствахъ, — распорядился о выступленіи въ Нѣжинъ.

Тѣло Полковницы, въ гробъ богато украшенномъ бархатомъ, атласомъ, саетою и золотыми галунами, поставлено на дроги. Козаки съ заплаканными глазами провожали его. Священникъ уложенъ въ экипажъ и тоже слѣдовалъ за гробомъ. Стефанъ шелъ пѣшкомъ позади процессіи блѣдный, убитый горестію. Даже вѣрный его воронъ чувствовалъ тоску своего господина, тихо подвигаясь въ поводу, съ поникшею головою.

Семейство добродушнаго священника, взято было въ Нѣжинъ.

Эсауль послалъ гонца въ Кіевъ къ отцу и матери несчастной Софій.

На другой день къ вечеру, процессія приближилась къ Нѣжину. Унылый звонъ

колоколовъ встрѣтилъ ее у воротъ города.

Гробъ поставили въ церкви, на катафалкъ, нарочно для него приготовленномъ. Стефанъ не заходя домой, съѣлъ у гроба своей возлюбленной, желая наглядѣться на нее въ послѣдній разъ.

Свѣчи яраго воска пылали въ высокихъ серебрянныхъ подсвѣчникахъ, озаряя храмъ кровавымъ свѣтомъ. Церковный причетникъ, въ головахъ покойницы, читалъ псалтырь. Оекла, и еще нѣсколько женщинъ преданныхъ Полковницъ, сидя по сторонамъ гроба, тужили и рыдали.

Несчастный Стефанъ не плакалъ, грусть его была тиха, безмолвна. Уставивъ не-

движимый взглядъ на ликъ возлюбленной, самъ онъ подоился трупу.

Послѣ полуночи, старыя плакальщицы разбрелись; дьячекъ-чтець, желая отдохнуть, присѣлъ на скамьи въ притворѣ и задремалъ; одинъ лишь убитый супругъ остался возлѣ гроба, сохраняя прежнее недвижимое положеніе.

На разсвѣтъ, одна изъ свѣчей, стоявшая въ головахъ покойницы, вспыхнула, въ храмъ разлился какой то не изъяснимый свѣтъ. Острианица вздрогнулъ и опять вперилъ очи на свою возлюбленную. Дьячекъ тоже проснулся, протиралъ глаза. Въ это время парчевое покрывало, которымъ закрыты были ноги и руки покойницы, тихо скатилось; Полковница съѣла въ гробъ.

Дьячекъ упалъ на полъ; Остриница вскочилъ съ своего мѣста.

Не въ состояннн будучи открыть глаза, несчастная молодая женщина, со стономъ опять упала на изголовье гроба.

Стефанъ пришелъ въ себя. Поспѣшно скинувъ кафтанъ, въ которомъ былъ одѣтъ, и окутавъ имъ возлюбленную, онъ помчалъ ее изъ церкви къ своему жилищу; уложилъ страдальцу въ постель и началъ оттирать ее. Безрукой священникъ, бывшій въ домъ Полковника, не смотря на страданія свои, поспѣшилъ къ нему на помощь, и несчастная очнулась, дико повела глазами вокругъ, но сей часъ-же опамитовалась; узнала Стефана, удивлялась какъ она очутилась въ городскомъ домѣ и, каза-

лось, во все непомнила прошедшаго, со дня ея похищенія.

Скоро по всему городу разнеслась радостная вѣсть о воскресенн Полковницы. Старшины и жены ихъ, нѣкоторые отъ расположенія, а другіе изъ любопытства, толпились въ домъ Остриницы.

Вѣрный другъ Стефана, Эсаулъ Постыличъ, первый прилетѣлъ къ нему. Онъ отъ радости не могъ говорить, нѣсколько разъ пытался, пы-пы-калъ, и сжалъ въ своихъ объятіяхъ Остриницу. Полковнику не нужны были его слова; Стефанъ понималъ его безъ объясненій, сдавилъ въ своихъ мочныхъ рукахъ и поцѣловалъ по братски.

ГЛАВА XI.

По освобожденіи Софіи изъ когтей развратнаго Воеводы Брацлавскаго, Старосты Переяславскаго, еще проблеснуло нѣсколько веселыхъ дней въ домъ Острияницы.

Полковница оправилась въ силахъ, и признаки помѣшательства ея совершенно прошли, когда уничтожились причины, возбудившія ихъ. Софія сохранила только

какое-то смутное, неясное воспоминаніе о претерпѣнномъ несчастіи. Маленькой Петрусь по прежнему веселилъ и утѣшалъ ее; хозяйство поступило на ея руки, и Полковница попомяла, похорошѣла; Стефанъ, по прежнему, неслышалъ души въ ней. Казалось, угрюмая судьба, сыгравъ плачевную шутку въ семействѣ Полковника, вновь начала ласкать его.

Острияница, оставивъ хуторъ, переселился въ городъ. Свадьбу храброй *Феськи*, отложенную до Троицына дня, предположено праздновать въ Нѣжинѣ. Женихъ и невѣста вызваны въ городъ; Стефанъ и Софія были посажеными отцомъ и матерью у *Добкала*, а *Постыличъ* и *Горпина*, исправляли эту должность у *Феськи*.

Несмотря на давно уже слаженное дѣло, женихъ Цобкало, по обряду, послалъ къ Горпишъ старость. *Теська*, стоя у печки, какъ водится, колупала пальцемъ глину, смотрѣла внизъ на носки своихъ сапьянцовъ, и никакъ не хотѣла сказать рѣшительнаго отвѣта, ссылаясь на волю матери и благодѣтелей, бывшихъ господъ ея. Старость подчивали пѣнникомъ, медомъ и т. п. Наконецъ они ушли опоясанные чрезъ плечо ручниками, вышитыми красной тамбурной бумагою. *Гарбузъ* * дать имъ незаблагоразсудили. Жениху перевязали шелковымъ платкомъ правую руку.

На утро Цобкало, съ боярами и дружками **, пріѣхалъ къ невестѣ, гдѣ ожи-

* Тыкву.

** Шафирами.

дали его посаженные,—и привезъ *коровай*. Дружка въ перевязали ручниками на крестъ; жениха съ невестой посадили рядомъ; возлѣ невесты сѣли ея подруги, тоже *дружки*, а возлѣ жениха *свѣтилка*, молоденькая дѣвочка. Въ красномъ углу комнаты * стояла сабля съ прилѣпленною къ ней свѣчкою, которую, (саблю съ свѣчкою), свѣтилка обязана была держать въ церкви при вѣчаніи.

Послѣ приличнаго угощенія, свадебная процессія готовилась въ церковь.

Отцы, взявъ образа, а матери хлѣбъ съ солью, сѣли за столъ накрытый ковромъ. *Теська* и Цобкало, поклонившись по три

* На покуты.

раза до земли каждому посажонному, поцаловавъ образа и руки отцовъ и матерей, парочкою отправились въ церковь, въ сопровожденіи *дружковъ, свѣтилки* и всѣхъ гостей.

Въ это время когда женихъ и невѣста кланялись посаженнымъ, *дружки* невѣсты пѣли:

« Да кланяйся Охриму своему батьковн низко,
Бо къ серденьку ёго ты близко;
А матери кланяйся и ще низче,
Бо къ серденьку еи и ще близче.»

Изъ церкви новобрачные воротились съ пѣснями и музыкой, въ домъ Острианицы. Посаженые у дверей встрѣтили ихъ съ образами, хлѣбомъ и солью.

Съли объдать. *Молодая* * склонила голову на хлѣбъ, имѣвшій фигуру толстаго бублика и называвшійся *дивень*, оттого, что невѣста въ продолженіи объда смотритъ на людей не иначе, какъ сквозь отверстіе этаго хлѣба.

Цобкало, два раза поднимала голову *Өеськи* съ дивня, и въ оба раза она опускала ее на хлѣбъ, но въ третій съла прямо. Новобрачные ничего не ѣли за объдомъ; ложки ихъ были связаны вмѣстѣ красною лентою.

Послѣ объда двоюродный братъ *Өеськи Панасъ* расплелъ ей косу, махая по временамъ обнаженною саблею вокругъ головы.

* Невѣста.

Друзьки и прочія женщины пѣли:

« А татаринъ братикъ татаринъ,
Продавъ сестру за таляръ,
А русу косочку за шестакъ,
А биле личинько пишло й такъ ».

Женихъ сулилъ и давалъ деньги *Панасу*,
чтобы онъ отдалъ сестру. *Панасъ* кобе-
нился, наконецъ отдалъ.

Вечеромъ *свашки*, они же и *мчалки*,
увели *Феську* въ заветную свѣтѣлку....

Еще съ утра, на другой день, пиръ со-
ставился на весь міръ; веселились уже
безъ соблюденія обрядовъ, *ad libitum*, ис-
ключая только пѣсенку пропѣтую *Горпинѣ*
въ честь ея храброй и непорочной *Феськи*:

« Небійся матинко, небійся,
Въ червоны чобитки обуйся,
Щобъ твои шидкивки брызчали,
Щобъ твои вороги мовчали ».

Умиленная *Горпина*, обнимая дочку и
зятя, помышляла, что качалка не для одного
катанья бѣлья полезна!...

Къ обѣду, который дѣлалъ *Остряница*
для молодыхъ въ своемъ домѣ и на свой
счетъ, съѣхалось и сошлось гостей видимо
и не-видимо.

Стефанъ и *Софія*, подобно прародите-
лямъ *Аврааму* и *Саррѣ*, угощавшимъ пут-
никовъ подъ тѣнію *Мамврійскаго дуба*, —
пригласили гостей къ обѣду въ садъ, про-
стиравшійся отъ дома *Полковника* до бе-

рега Остра, гдѣ, для гостей чиновныхъ, накрыты были длинныя столы въ тѣни липовой аллеи, а для простаго народа разосланы цыновки и положены доски на полянѣ.

Въ промежуткѣ, между столами высшихъ и низшихъ, помѣщена была группа хористовъ — слѣпцовъ, подъ предсѣдательствомъ *Кобзаря*, — долженствовавшая забавлять пировавшихъ стройнымъ пѣніемъ духовныхъ гимновъ.

Вокругъ пирующихъ, (если не подъ каждымъ деревомъ, то подъ каждою группою деревьевъ), расставлены были чаны съ пивомъ, медомъ и брагою, съ плавающими въ нихъ, подобно ладьямъ Енея, деревянными ковшами.

Нераспространяясь о количествѣ и наименованіяхъ кушаньевъ и напитковъ, съѣденныхъ и выпитыхъ за столами, скажемъ только, что все они были очень вкусны и обильно подаваемы; а гости вставшіе и не-вставшіе изъ-за-столовъ, благодарили хозяевъ отъ чистаго сердца за угощеніе.

Во время обѣда пріѣхали дорогіе гости къ Полковнику — отецъ и мать Софій. Слезамъ и объятіямъ небыло конца: бѣдные старики, не на свадебный пиръ спѣшили они!

Послѣ обѣда, гости чиновные, мужчины разбрелись по саду, толкуя о хозяйствѣ и *Ляхахъ* — неистощимомъ предметѣ тогдашнихъ разговоровъ. Женщины, какъ и

теперь водится, охорашивались предъ зеркальцами, шутили, смѣялись и пересмѣивали наряды одна другой, готовясь къ веселымъ танцамъ. Простой народъ уведенъ на площадь предъ домомъ Полковника, гдѣ играли наемные музыканты и полковые трубачи. Скоро площадь огласилась шумными восклицаніями пировавшихъ; составились хороводы и веселыя свадебныя пѣсни.

Горпина неутерпѣла, чтобы не навѣдаться подъ качели, не смотря на косые взгляды *Оеськи*. Привичка вторая натура: *Горпина*, мать жены курениаго атамана, ни какъ не могла освоиться съ новымъ своимъ званіемъ. Собравши вереницу бабъ, она пустилась выплясывать *журавл*, со всеми подлежащими

этому танцу припѣвами. Бабы, взявшись за руки, кружились до-упаду.

Наконецъ свадебная процессія отправилась въ домъ жениха. *Приданки*, впереди музыкантовъ, неистовствовали подобно одурѣвшимъ вакханкамъ.....

Окончивъ свадебный пиръ, Полковникъ долженъ былъ заняться войсковыми дѣлами.

Послѣ разоренія Остра Поляки начали сосредоточивать свои силы. Гетманъ Коронный отправилъ въ Малороссію съ сильнымъ войскомъ Наполеаго Гетмана, Николая Потоцкаго, Воеводу Брацлавскаго, получившаго званіе Воеводы послѣ Ста-

росты Переяславскаго, умершаго въ это время.

Вся Украина была въ волненіи. Гетманъ Павлюга съ Запорожцами двинулся къ Корсуню покопался подъ Кумейками. Нѣсколько тысячъ Малороссіянь присоединились къ нему. Гетманъ, повидимому, хотѣлъ сразиться съ Поляками тогда, когда войско его получить подкрѣпленіе отъ всѣхъ полковъ.

Свѣдѣніе это и универсалъ Гетмана, приглашавшій всѣхъ Малороссіянь участвовать въ священной войнѣ за вѣру и свободу родины, — привезъ въ Нѣжинъ старинный знамя нашъ Тугай, присланный къ Стефану храбрымъ воспитателемъ его Гуною, проводшимъ все время Полковничества Острияницы въ Нѣжинъ, въ дикихъ

степяхъ Запорожскихъ, въ бояхъ съ *Ляхами* и невѣрными. Тугай и Бурка вездѣ сопровождали Гуно.

Откладывать было некогда. Полковникъ немедленно созвалъ *раду*. Назначили послать Эсаула Постылича съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ реэстровыхъ козаковъ; города же и села полка охранять посполитымъ. Полковникъ долженъ былъ оставаться въ Нѣжинѣ.

Отрядъ Постылича собрался въ резиденцію 1 Сентября, въ день новаго года.

Послѣ Литургіи, ряды защитниковъ родины, при громѣ городскихъ *гарматъ* *;

* Пушекъ.

распустивъ значки, выступили изъ Нѣжина.

Эсауль, обнявши друга своего Стефана, съ стѣсненнымъ сердцемъ припавъ на лужу, умчался вслѣдъ за выступившимъ отрядомъ.

По уходѣ войскъ, какое-то непостижимое уныніе объяло всѣхъ жителей Нѣжина. Увеселенія въ домахъ прекратились, даже самыя свадьбы, у простолюдиновъ большею частію празднуемыя осенью, были рѣдки; у каждаго изъ нихъ сынъ, или братъ ушелъ въ отрядъ Постылица, или стоялъ съ оружіемъ на порогѣ родныхъ пепелищъ. Деревенскіе жители, окончивъ полевья работы, большею частію сошлись въ укрѣпленные города.

Причиною общей тревоги и волненія Нѣжинцевъ была не трусость: ее они не знали. Въ то тяжелое время испытаній, младенецъ въ люлькѣ игралъ острою отцовскою саблею вмѣсто ложки, которою хлебалъ свою кашу; проклиналъ *Ляховъ*, едва умѣя произносить слова, и былъ бы самъ проклять и прогнать изъ отцовскаго дома, если-бы въ мальчикѣ, подростемъ нѣсколько, замѣтили малѣйшіе признаки трусости. Напротивъ, храбрѣйшую передовую дружину всегда составляли, такъ-называемые, *молодики*, юноши учившіеся еще военному искусству подъ руководствомъ старыхъ козаковъ, всегда составлявшіе охранную дружину начальниковъ. Небыло примѣра, чтобы *молодики* оставили своего вожда, доколь хотя одинъ изъ нихъ оставался въ

живыхъ. Такіе люди немогли трусить. Жаль только, что тогдашніе повелители Малороссіи не умѣли оцѣнить необыкновенной храбрости этого народа, ни пользоваться ею. Вельможи Польскіе, управлявшіе Королевствомъ, руководимые желаніемъ овладѣть землями козаковъ, боролись съ несчастными на-смерть; проливали кровь собственную и тѣхъ, кого считали своими подданными, ни какъ не достигая предположенной цѣли.

Общее возстаніе края предвѣщало новую кровавую борьбу, окончаніе которой было покрыто непроницаемою завѣсою будущаго. Страхъ и надежда волновали Малороссіянъ, навѣвали не вольную грусть и уныніе.

ГЛАВА XII.

Съ наступленіемъ зимы 1637 — 1638 года открылся кровавый пиръ въ Украинѣ. Шестнадцатаго декабря Гетманъ Павлюга проигралъ сраженіе близъ Корсуня подъ селомъ Кумейками. Побѣда осталась на сторонѣ Поляковъ. Они завладѣли пятью пушками, положили на-мѣсть шесть тысячъ козаковъ, остальные спаслись бѣгствомъ.

Пользуясь темнотою ночи, Павлюга отступилъ въ безпорядкѣ къ мѣстечку Боро-

виць, куда стекались къ нему во множествѣ соотечественники. Потоцкій немедля окружить лагерь козацкій своими войсками и, къ вѣчному безславію, предложилъ миръ Гетману и козакамъ, обѣщая имъ именемъ Короля не только прощеніе, но и подтвержденіе прежнихъ правъ и преимуществъ. Малороссіяне, на этотъ разъ слишкомъ легковѣрные, вышли изъ лагеря, положили оружіе, начали уже расходиться, какъ вдругъ Поляки устремились на нихъ, многихъ перерубили, обрѣзали имъ усы и чуприны, забрали подъ карауль Гетмана Павлюгу, обознаго Гремича, Эсауловъ: Побидиша, Летягу, Шкурая и Путьлу; обрѣменили ихъ оковами, отправили въ Варшаву съ донесеніемъ, что старшины эти захвачены во время сраженія. Въ Варшавѣ

совершилась надъ ними казнь ужаснѣйшая. Съ Павлюги живаго содрана была кожа съ головы, которую тогда-жъ набили мякиною; прочимъ Старшинамъ отрублены головы и всѣ они разосланы по городамъ Малороссійскимъ. Гетманская выставлена на сваѣ въ Чигиринѣ, а прочія въ другихъ городахъ; потомъ сожжены всенародно.

Послѣ несчастнаго пораженія козаковъ подъ Кумейками и вѣроломнаго поступка Потоцкаго при Боровицѣ, — Поляки нахлынули въ Малороссію, и не умедлили явиться у валавъ Нѣжинскихъ въ началѣ января.

Острианица увѣдомленъ заблаговременно о движеніи непріятелей Эсауломъ Постыlichemъ, спасшимся съ немногими изъ отряда, помогавшаго несчастному Павлюгѣ.

Съ разсвѣтомъ, 10 января, толпы Поляковъ показались со стороны Остра.

Въ городѣ, и на валахъ укрѣпленія царствовала гробовая тишина; взоры всѣхъ обращены были на грозную рать, быстро подвигавшуюся впередъ.

Установивъ орудія на возвышеніяхъ, Поляки приближались стройными рядами къ валамъ укрѣпленія. Не доходя города, раздѣлились они на двѣ колоны; сняли съ саней лѣсницы, нарочно привезенныя изъ Остра, и бѣгомъ пустились къ укрѣпленію; между тѣмъ, изъ возвышеній открыта канонада.

Въ крѣпости незаметно было ни какого движенія; но грозная тишина эта предвѣ-

щала смерть и гибель. Подпустивши Поляковъ на выстрѣль, изъ валовъ укрѣпленія раздался залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій; чрезъ нѣсколько минутъ другой и наконецъ третій. Въ рядахъ Польскихъ никого неосталось, некому было приступить къ укрѣпленію. Отряды, находившіеся вѣ выстрѣловъ, остановились, недоумывая, что предпринять; командовавшій корпусомъ убить.

Прекративъ бесполезную канонаду, Поляки отступили въ безпорядкѣ, и потерявъ охоту добывать Нѣжинъ приступомъ, предположенную прежде осаду обратили въ обложеніе; подѣлали изъ снѣгу шанцы, облили ихъ водою, разставили орудія и по-

видимому готовились провести зиму въ этихъ ледяныхъ укрѣпленіяхъ.

Нѣжинцы ободрились. Въ теченіи двухъ недѣль сдѣлали семнадцать вылазокъ; истребили множество Поляковъ; увезли 20 орудій, но немогли отбитися совершенно. Потеря въ людяхъ въ Польскомъ станѣ, ежедневно вознаграждалась свѣжими войсками, приходившими изъ Остра; траты несчастныхъ Малороссіянъ умаляли гарнизонъ, никто непомогалъ имъ; всѣ города и села заняты уже были Поляками.

Второго февраля осажденные рѣшились сдѣлать последнее, отчаянное усиліе къ отраженію враговъ. Послѣ Литургіи созвана большая рада; назначено ночью сдѣ-

лать вылазку, и если не удастся отбить не пріятелей, на утро будущаго дня, оставивъ родные пепелища, съ женами и дѣтьми удалиться въ землю Царя Московскаго, или на Донъ.

Смутно провели радостный день Стрѣтенія Господня несчастные обитатели Нѣжина. Отцы и матери не осушали глазъ своихъ отъ слезъ; вопли женъ и дѣтей раздирали сердце. Предъ захоженіемъ солнца, избранныя жертвы, назначавшіеся къ вылазкѣ, въ числѣ трехъ тысячъ чловѣкъ, причастившись святыхъ таинъ запасными дарами, обнявши милыхъ сердцу, составились таборомъ возлѣ южныхъ воротъ укрѣпленія. Полковникъ готовился предводительствовать ими.

Съдой, безрукій священникъ города Остра, жившій у Полковника, со крестами и хоругвами обошелъ Нѣжинъ погруженный въ уныніе, ободрялъ и одушевлялъ жителей. При видѣ священнаго символа искупленія — креста Господня, народъ ободрился; вездѣ были слышны восклицанія и угрозы угнетителямъ родины. Кончивъ крестной ходъ, священникъ остановился у южныхъ воротъ укрѣпенія, ожидая выступленія отряда, назначеннаго для вылазки.

Жена Полковника, съ толпою женщинъ и дѣтей, поверглась въ церкви предъ открытыми дверями алтаря, умоляя Предвѣчнаго о помощи и заступленіи. Стоянь и рыданія оглашали своды храма.

Въ девять часовъ вечера отрядъ безстрашныхъ тронулся изъ укрѣпенія; зашелъ неслышно по берегу Остра въ тылъ непріятелей и ринулся въ лагерь. Ледяныя укрѣпенія сдѣлали слабую преграду: козаки ворвались въ средину стана, потѣснили Поляковъ къ стѣнамъ Нѣжина, откуда привѣтствовали ихъ залпомъ изъ орудій и винтовокъ. Поляки непредполагали въ этотъ день вылазки и боялись, не особой ли отрядъ козаковъ, пришедшій на помощь осажденнымъ, напалъ на нихъ; но скоро ободрились, узнавъ прапоры Нѣжинцевъ; построились въ ряды, старались окружить отрядъ козацкій. Завязалась отчаянная битва. Остриница былъ впереди; сквозныя улицы въ рядахъ непріятелей, и груды тѣлъ означали его путь.

Нѣсколько разъ Поляки стоваривались отрезать неустрашимого вождя отъ полка, и не успѣвали; отрядъ *молодиковъ*, какъ громовая туча, слѣдовала за своимъ предводителемъ, уничтожая все, что избѣгало отъ руки Стефана.

Четыре раза Поляки окружали Нѣжинцевъ со всѣхъ сторонъ, и четыре раза эти, по трупамъ враговъ, открывали широкій выходъ.

Наконецъ многолюдство одолѣло. Отрядъ безстрашныхъ долженъ былъ ретироваться къ укрѣпленію. Поляки не препятствовали ему въ этомъ, и даже не преслѣдовали его, боясь встрѣтить новое ополченіе, показавшееся изъ западныхъ воротъ Нѣжина. Это

были всѣ оставшіеся въ городѣ козаки, жены ихъ и дѣти, видѣвшіе при лунномъ сіяніи съ крѣпостныхъ валовъ несчетныя силы Поляковъ, безнадежность отряда храбраго Полковника, и рѣшившіеся, выручивъ братій своихъ, вмѣстѣ съ ними искать крова въ другой счастливѣйшей странѣ.

Отрядъ состоялъ изъ шести тысячъ козаковъ и нѣсколькихъ тысячъ женъ и дѣтей, которыя были помѣщены въ обозъ внутри каре. По сторонамъ отряда везли пушки на не большихъ саняхъ.

Полковникъ, встрѣтивъ несчастныхъ бѣглецовъ, уговаривалъ ихъ обождать еще нѣсколько дней; но раздумавъ, что безнадежность положенія осажденныхъ

увеличивается болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, осѣнивъ чело свое крестнымъ знаменіемъ, поклонившись родному городу, съ глазами полными слезъ самъ повелъ ополченіе по направленію къ тихому Дону.

Къ разсвѣту отрядъ достигъ береговъ Удая. Послѣ кратковременнаго отдыха, бѣглецы по льду пустились въ темный боръ, къ верховьямъ рѣчки, нашли тамъ старинное, давно оставленное укрѣпленіе, и рѣшились засѣсть въ немъ до весны.

Поляки не смѣли преслѣдовать Нѣжинцевъ, принимая отступленіе ихъ за хитрость со стороны козаковъ; нерѣшались до разсвѣта приступить къ оставленному городу, и только увѣрясь, что козаки дѣй-

ствительно вышли изъ него, кинулись грабить оставшееся имущество несчастныхъ бѣглецовъ.

Съ паденіемъ Нѣжина не осталось города въ Малороссіи не занятаго Поляками.

ГЛАВА XIII.

Въ дымной норѣ, на-скоро вырытой на-берегу Удая, грустно сидѣла бѣдная Софія, жена храбраго Полковника Нѣжинскаго, и что то шила. Возлѣ нее, по грязному полу бѣгалъ невинный Петрусь, не понимавшій еще несчастій, постигшихъ родителей его и родину. Захвативъ въ ручку какой то лоскутъ, валявшійся на полу, дитя весело побѣжало къ матери, поскользнулося, упало и начало плакать.

Перестань, дитя мое, сказала Софія вздохнувши, — мнѣ некогда забавлять тебя.

Дитя расплакалось больше прежняго приговаривая: мама не любитъ меня!

Непечаль его, Софія, отозвался Остриница, охавшій въ углу землянки. Довольно и собственныхъ нашихъ несчастій, за чѣмъ огорчать еще это невинное дитя.

Молодая женщина отерла слезы сына, поцѣловала его, и давъ другой лоскутъ, сказала: сядь возлѣ меня Петрусь, ты будешь папа, и будешь починать свои сапожки, какъ папа починаетъ свои.

Дитя сѣло возлѣ матери, и начало показывать ручками какъ шьетъ папа сапоги.

Между тѣмъ вѣрная Сигклитина и добродушная *Устя*, неоставившія господь своихъ въ изгнаніи, суетились около дубоваго чурбана, замѣнявшаго въ свѣтлицѣ, или вѣрнѣе сказать въ темницѣ Стефана мѣсто стола, застилая его ковромъ и скатертью.

Что намъ Богъ послалъ по обѣдать? спросилъ Стефанъ Софію.

Только одинъ борщъ съ крапивой, да нѣсколько кусочковъ ячменнаго хлѣба должны мы сего дня раздѣлить со всею семьей, отвѣчала молодая женщина. Но ты не грусти о нашей нуждѣ, милой мой! Господь, давшій жизнь, пошлетъ и пищу. Я объ одномъ только прошу тебя, чтобы ты не выѣзжалъ изъ кочевья покуда тронемся въ

дальнѣйшій путь. Пускай козаки сами охотятся въ бору. Здоровье твое и такъ разстроено, ты можешь заболѣть. . . . тогда что будетъ съ нами и со всеми вѣрными? . . . Рыданія заглушили послѣдніи слова Софіи.

Сигклитина и *Устя* тоже утирали слезы. А Петрусь, безопасно шившій сапоги, поднявъ прелестную бѣлокурую головку и сдѣлавъ губку плакать, бросилъ на полъ лоскутъя, побѣжалъ въ уголь къ отцу.

Не плачь, голубчикъ мой, произнесъ Стефанъ, обнимая сына, — я не буду ходить на охоту, а если пойду, то и тебя возьму съ собою.

Малютка повеселѣлъ.

Обращаясь къ женѣ, Остриница сказалъ: Охъ, Софія! слезы твои и вздохи растроиваютъ меня больше, нежели можетъ растроить охота за сернами. Я готовъ во все не выходить изъ кочевья, только-бы ты не плакала.

Проговоривъ послѣднія слова, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, Остриница замолчалъ, потомъ успокоясь, продолжалъ: вождь несчастныхъ Нѣжинцевъ можетъ-ли сидѣть поджавши ноги въ землянкѣ, когда всѣ въ кочевьи съ трудомъ могутъ промыслить пропитаніе; и не въ правъ-ли они будутъ подумать, —если не скажутъ,— что старшина ихъ, нетрудясь самъ, живетъ на счетъ бездомныхъ изгнанниковъ. Я буду стараться беречь свое здоровье, не увле-

каться страстно къ охотѣ, которую люблю, но неходить на промыслъ вмѣстѣ съ моими вѣрными дѣтьми я немогу и не долженъ этаго сдѣлать.

Окончивъ разговоръ, Стефанъ сдѣлался печальнымъ больше прежняго и началъ сильнѣе охать.

Софія бросилась къ мужу, обняла его и произнесла: успокойся, милой мой, не сердись на меня, я—такъ сказала поженскому; больше я никогда уже не буду беспокоить тебя, поправляйся только въ здоровьи, мой ненаглядный!

Я не сержусь, милая Софія, отвѣчалъ Стефанъ, — а только встревоженъ твоею

грустью и слезами, онъ печалить меня. Притомъ-же я чувствую, что мнѣ сдѣлалось тяжелѣе послѣ усильнаго разговора; хочу кашлять и боюсь; проклятый кашель разбилъ мою грудь!

Молодая женщина помазала грудь мужа козымъ саломъ, стараясь успокоить его.

Въ это время скрипучая дверь лазейки отворилась; всѣхъ находившихся въ ней окатило холоднымъ воздухомъ, превратившимся въ паръ въ нагрѣтой землянкѣ. Во мгль явился Запорожець исполинскаго роста, за нимъ ввалились въ избу еще два рослые парня съ замерзшими сосульками на усахъ.

Ба, дядюшка Леонъ! воскликнулъ Стефанъ, закашлявшись, — слыхомъ слыхати, въ очи видати, по волю или по неволю?

Больше того, что по волю, чѣмъ по неволю, отвѣчалъ великанъ, улыбувшись. Каково-же ты поживаешь въ этихъ хоромахъ, мой милой Стефанъ? Да какъ ты исхудалъ, постарѣлъ, твой чубъ былъ тебѣ теперь, чѣмъ оселедецъ и усы Леона Гуни, вдвое старѣйшаго тебя лѣтами.

Гуня, (это былъ онъ), обнялъ Острилицу. Показались изъ-за-печки еще два молодца, это были Тугай и Бурка, никогда не отстававшіе отъ своего названнаго батька-Леона.

Начались объятія, распросы, которымъ не было конца.

Гуня и Бурка представлены Софiи, какъ вѣрные друзья ея мужа, и которыхъ она видѣла теперь въ первый разъ: Тугай уже посѣщала Острияницу въ Нѣжинѣ.

Друзья рассказали Стефану о мученической кончинѣ Гетмана Павлюги и о томъ, что въ Нѣжинѣ, по занятіи его Поляками, выставлена на сваѣ голова Эсаула Летяги. Такъ-же объявили, что все Съчевое товариство и *городовики*, спасшіеся въ низовьяхъ Днѣпра, послѣ пораженія казацкихъ войскъ подъ Кумейками, единогласно избрали Острияницу Гетманомъ Запорожскимъ, а Гуню Совѣтникомъ ему; и что

они присланы объявить объ этомъ Стефану.

Софiя, услыхавъ роковое извѣстіе о избраніи мужа ея Гетманомъ, вмѣсто радости, залилась слезами, бросилась обнимать Стефана и всхлынувъ на груди его, въ изступленіи произносила: ахъ, Стефанъ, Стефанъ! не принимай Гетманства, я вновь вижу кровь драгоценную для меня — вѣнецъ мученической. Ахъ, милой мой! откажись, умоляю тебя, откажись! Оставивъ мужа, молодая женщина судорожно начала обнимать сына и впала въ забытіе.

Встревоженный Стефанъ немедленно велѣлъ позвать добраго, безрукаго Священника, раздѣлявшаго съ Нѣжинцами изгнаніе

и рассказалъ ему о тревоженномъ состояннн Софн, опасаясь, чтобы припадкн помъшательства, бывшіе съ нею въ Остръ, не возобновнлись.

Успьн успоконт еѣ. Она не помнла, что говорла прежде; но припомяна, что мужъ ея избранъ въ Гетманы, дѣлалась необыкновенно грустна. Наконецъ невннннй лепетъ сына, забавные анекдоты Буркн и стараго Гуни нѣсколько разсѣялн ея грусть. Софн успокоилась. Стефанъ, видя попрежнему улыбку на розовыхъ щекахъ подругн, отъ радости не помнлъ самъ себя.

Казалось дѣла прнняли хорошее на- правленіе.

Въ кочевн скоро узналн о прнѣздѣ Гунн и о вѣстяхъ, привезенныхъ имъ. Говорлва Снглнтна успѣла уже объжать дюжнну — другую землянокъ и рассказать о избраннн Стефана, съ добавленіемъ, что онн скоро пойдутъ выручать Нѣжннъ и заживутъ тамъ по прежнему, если Богъ по- можетъ.

Въ норъ будущаго Гетмана еше не успьн успоконт встревоженную Софно, когда любопытння толпы Нѣжннцевъ окружнлн землянку. Вѣрннй другъ Стефана, Эсаулъ Постыльчъ, предводительствуя отрядомъ Старшннъ, ввалнлся въ хату. Сдѣлалась толкотня и давка; трудно было поворотнться въ землянкъ.

Стефанъ, поднявшись чрезъ силу съ своего ложа, кое-какъ усадилъ посѣтителей на лавкахъ, на нарахъ, на боченкахъ, на чурбанкахъ, которые остались отъ дровъ, и все еще нѣкоторые стояли на ногахъ. Софія, по прекрасному обычаю Малороссіянъ, особенно для зимы,—съ Петрусемъ забрались на печь.

Такимъ образомъ разужьстившись, Гуня удовлетворилъ любопытству добрыхъ Старшинъ, любившихъ Полковника своего какъ отца. А Сигклитина и Устя, которымъ не осталось незанятаго мѣстечка въ землянкѣ, рассказывали на дворъ новости, привезенныя Запорожцами.

Скоро раздалась шумныя восклицанія въ кочевьи и возгласы: *аде нашъ*

батько, Степанъ Ивановичъ; покажите ёго намъ.

Стефанъ надѣлъ тулубъ и ушастую шапку, называемую капелюхъ, явился толпѣ.

Шумныя восклицанія козаковъ и вопли женщинъ, державшихъ грудныхъ младенцевъ на рукахъ, и показывавшихъ имъ своего батьку-Гетмана, — огласили воздухъ.

Острияница кланялся народу на обѣ стороны и плакалъ, глядя на несчастныхъ преданныхъ ему людей, дошедшихъ до послѣдней крайности — умереть съ голоду, если милостивый Богъ не защититъ и избавитъ ихъ отъ этого.

Назначивъ утромъ собраться на *мирскую раду*, и извинившись нездоровь-

емъ, Стефанъ поползъ обратно въ свою нору.

Обѣда свареннаго Сигклитиной не доставало для насыщенія всего общества, собравшагося въ землянкѣ Гетмана, и нехотѣлось имъ разстаться въ этотъ радостный день; потому все борщи, каши, сухари и краюшки хлѣбовъ, бывшіе въ берлогахъ Старшинъ, снесены въ нору Стефана; такимъ образомъ составилъ полный, хотя и очень скудный обѣдъ во дворцѣ несчастнаго повелителя Малороссіи. Гуня вывезла изъ тороковъ заветную *боклагу* вишневки; для народа отдали послѣдній боченокъ пѣннику, бывшій въ запасной кладовой войска.

Скоро забыли настоящее свое горе несчастные Нѣжинцы, въ надеждѣ на будущее, лучшее. Чарочки пѣннику на дворѣ и вишневки въ землянкѣ Гетмана, обходили поручамъ; изгнанники по-развеселились: нашлась въ кочевьи и *сопилка* *, нашелся и игрокъ; это былъ удалой Бурка, соскучившій сидѣть въ землянкѣ, желавшій подышать свѣжимъ воздухомъ, приударить трепака и моргнуть усомъ какой нибудь молоденькой Украинкѣ. Тугай тоже улизнулъ; оказалось, что и онъ умѣетъ обходиться съ *сопилочкой*, такъ же какъ съ чаркою и пригожими *дивчатами*. Запорожцы очередовались въ музыкѣ попеременно.

* Свирѣль.

Веселая дудочка * въ первой разъ огласила угрюмое кочевье изгнанниковъ. Тугай понесся мятелью по утоптанному снѣгу, выбравъ дочь куреннаго атамана Покотила Присю, красивѣйшую дѣвушку изъ всего кочевья. Плутовка выбивала *дрибушечки* въ красныхъ сапожкахъ, чокая высокими подковками, потушивъ глаза внизъ и украдкою поглядывая изъ-подъ бровей, на ловкаго статнаго парня, носившагося предъ нею, избоченясь и надвѣвъ шапочку на ушко.

Прочіе *молодики* и дѣвушки послѣдовали примѣру Присы и Тугая.

Веселье разыгралось какъ-бы въ лучшія, счастливѣйшія времена. Старые козаки

* Танецъ.

по-расправили морщины на лбу, разглаживали усы, улыбались и потирали чуприны, пробуя, не отрѣзали-ли ихъ Поляки и у нихъ, какъ у несчастныхъ сподвижниковъ Павлюги.

Лукавый Бурка первый замѣтилъ это; сдѣлавъ паузу въ дудочкѣ и спросилъ ближайшаго къ нему усача: *що, батьку, цила?* потомъ продолжалъ танецъ.

Тугай попережнему носился съ Присей и, кажется, уже не могъ свести глазъ съ дѣвушки.

Пострѣлъ Бурка и это замѣтилъ; опять сдѣлавъ паузу и сказалъ: ты, Грицко,

путаешь ногами, гляди лучше на носки сапьянцовъ, а не въ глазки Приси.

Тугай надулся, а между тѣмъ и усталъ. Кончивъ танецъ, онъ переѣнилъ Бурку, взялъ свирель и началъ играть, рѣшившись въ свою очередь подмѣтить лукаваго товарища своего.

Преданія о кочевьи на берегу Удая, не повѣствуютъ, успѣли-ли въ этомъ Тугай; но говорятъ, что самъ онъ не на шутку заглядѣлся въ глазки Приси и, чтобы насладиться этимъ удовольствіемъ постоянно, попросилъ руку ея у добраго атамана Покотила.

Между тѣмъ покуда въ кочевьи раздавались веселыя восклицанія танцоровъ, а

въ землянкѣ Гетмана высыхала боклага вишневки, Старшины совѣщались о мѣрахъ къ освобожденію несчастной своей отчизны отъ вѣроломныхъ и безчеловѣчныхъ властелиновъ, безопасно отдыхавшихъ тогда въ городахъ и селахъ Украинскихъ; пировавшихъ на счетъ ограбленныхъ ими Руссиновъ и величавшихся побѣдою, одержанною подъ Кумейками *.

Рѣшились, прежде всего, разослать надежныхъ людей по подкамъ козацкимъ съ уведомленіемъ о избраніи Гетмана Острияницы; Эсауламъ полковъ велѣтъ съ отря-

* Нѣсъкій, въ 3 томѣ на страницѣ 699, пишетъ: «что Потоцкій, предводительствуя только трехъ тысячнымъ отрядомъ, разбилъ и разогналъ подъ Кумейками 60 тысячъ козаковъ!»

дами, отъ пяти сотъ челоувкъ и болѣе, глухими тропами пробраться, не позже половины Апрѣля, въ известное урочище около Переяслава, гдѣ встрѣтить ихъ самъ Гетманъ и, подѣ закліаіемъ, отнюдь не тревожить Поляковъ до известнаго дня кроваваго мщенія, сохраняя въ тайнѣ самое предпріятіе. — Въ этотъ же день Гетманъ отправилъ посланцовъ въ Покутію, Волинь, на Донъ и даже въ Крымъ съ приглашеніемъ на службу ратныхъ людей.

Выпроводивъ посланныхъ, занялись участію кочевья на берегу Удая. Условились оставить Эсаула Постылича на мѣстѣ Остриницы, и отправить восемь сотъ челоувкъ отборнаго войска, подѣ начальствомъ одного изъ Сотниковъ, къ Переяславу; а, въ

известный день, козакамъ остающимся въ кочевьи, занять Нѣжинъ.

Послѣ этого оставалось подумать объ отъѣздѣ Гетмана. Назначено, чтобы Тугай и Бурка промыслили жидовскую брику, со всею принадлежностію къ ней—четверкою добрыхъ коней и перинами; также, чтобы запаслись нѣсколькими парами платевъ мужескихъ и женскихъ, жидовскихъ и крестьянскихъ, для переодѣанія путешественниковъ. Въ пособіе Запорожцамъ назначено пятьдесятъ молодиковъ, всѣ они и выпровожены изъ кочевья въ ту же ночь.

Послѣ этого Гуня забрался на печь, непросторную для него, но составляющую единственной уголь, которой онъ могъ

занять для ночлега въ хоромахъ Гетмана. —
Хозяева улеглись на нарахъ, назначивъ
прежде ночные караулы въ кочевьи и по-
молясь слезно о успѣхъ въ замышляемомъ
предпріятіи.

ГЛАВА XIV.

Въ началѣ Апрѣля быстро катилась
крытая жидовская брика по дорогѣ отъ
мѣстечка Монастырица къ селу Линов-
цамъ. День былъ теплый, ясный. Жаво-
ронки оглашали воздухъ торжественною
пѣснію веснѣ; миллиарды маленькихъ мушекъ
лезли въ уши, ноздри и глаза ретивымъ
конямъ, мчавшимъ легкой экипажъ, съ
быстрою птицею, по укутанной дорогѣ.

Не гони такъ лошадей, *благовистный,*
Бурко! закричалъ Гуня, размахивая огро-

мною окоренковою трубкою по брикъ, и толкая въ спину кучера, одѣтаго въ лохмотья жидовскаго платья; — *оглашенный*, негони такъ; ты всѣмъ намъ сломишь шею.

Но, *якій* — *пакъ* я Бурко? я Пейсахъ Гицлевичъ Пархъ, а не Бурко; идъ одемиль до праху Запорожникъ; — огризался весельчакъ и вновь ударилъ лошадей плетью.

Псыя Пейсаха-самозванца, и полы истертаго его кафтана раздувало вѣтромъ; накладная борода съехала на бокъ. Бурка былъ похожъ въ этомъ нарядѣ на одурѣвшаго жида возлѣ винной бочки, подправленной табакомъ, которымъ, обыкновенно, опеломляютъ опытные арендаторы непобѣдимыхъ православныхъ питоковъ.

Все общество, вхавшее въ брикъ, помирило со смѣху. Гуня сердился. Наконецъ Стефанъ увѣрилъ его, что дорога ровная и нѣтъ никакой опасности въ шалостяхъ Бурки.

Леонъ пересталъ сердиться, тронулъ кучера по ермолкѣ рукой, и сказалъ: ну, Пейсахъ, береги свои псыя, чтобъ я тебѣ не выдралъ ихъ.

Не мой, *батю*, отвѣчалъ хладнокровно Запорожець, снимая съ своей бритой головы парикъ изъ кожи и волосъ бѣднаго Еврея, отправленнаго Буркою къ праотцамъ, во время пріобрѣтенія брики.

Софія ахнула.

Какъ ты умудрился съ этими проклятыми пѣсьями? спросилъ Гуня.

Умудрился! слунилъ съ макушки повешеннаго жида, высолнилъ съ отрубями, — какъ высаливаютъ овчины, — провлялилъ на вѣтрѣ и — надѣлъ. Борода тоже принадлежала покойному Лейбъ, тому-что и пѣсья; только она проклятая плохо держится, замѣтилъ Запорожець, поглаживая окладистой клокъ волосъ съ кожицей, прилѣпленный смолою къ его подбородку; — надобно придумать лучшей *карюкъ* *.

Жена Гетмана съ отвращеніемъ глядѣла на людоеда, одѣвшагося въ челоуѣ-

* Клей.

ческую кожу. Но нечего было дѣлать; маскарадъ былъ необходимъ, и чѣмъ натуральнѣе, тѣмъ безопаснѣе отъ подозрительности Поляковъ и шпионовъ ихъ жидовъ, наводнявшихъ тогда города и села Украины. Притомъ же въ то горестное время, при чрезвычайномъ ожесточеніи Малоросіянъ противу утѣснителей вѣры ихъ и свободы, убить *Ляха* или жида вмѣнялось въ заслугу; и кто больше отправлялъ ихъ въ царство тѣней, тотъ имѣлъ право на большія похвалы.

Ужасный вѣкъ! Тяжко будетъ дать отвѣтъ, предъ престоломъ Судіи не лицемернаго, тогдашнимъ правителямъ народа и Іерархамъ Католическаго духовенства въ Польшѣ, доведшимъ несчастный, угнетенный

народъ до отчаянія, унижавшаго самую природу человѣка.

Брика катилась рысцой по хорошо-укатанной дорогѣ. Бурка пересталъ дурачиться.

А ну, Бурко, поживѣй, — опять отозвался Гуня.

То-то и есть, батьку, васъ и въ ступи не улучишь, то поживѣй, то *тпру!* Я скоро откажусь отъ *маштальерства*; пускай править лошадей Тугай, я же полежу въ будкѣ и буду пановать.

Въ песьяхъ не пануютъ, замѣтилъ Тугай.

Напротивъ въ песьяхъ-то и пануютъ, отвѣчалъ Запорожець. — Не все-ли откуп-

щики въ Малороссіи и Польшѣ жиды? Шляхта крупная и мелкая по уши должна жидамъ, у нихъ все деньги въ рукахъ, они и паны. *А вельможные мосци добродѣти* работники жидовъ и, если хочешь, найпокорнѣйшіе холопы, лучшіе нежели Руссины *Ляхамъ*.

Острианица улыбнулся замѣчанію Запорожца, и сказалъ Тугаю: переѣхни его, Григорій, пускай вельможный Пейсахъ понѣжится въ будкѣ; онъ точно носить теперь на себѣ шкуру настоящаго Польскаго пана.

Тугай пересѣлъ на мѣсто Бурки. Брика катилась по прежнему.

Подъезжая къ Линовцамъ, вечеромъ, путешественники встрѣтили толпу жидовъ, спѣшившихъ на шабашъ въ ближайшую корчму, къ откупщику и арендатору, вельможному Ребе-Лейзеру. Жидки, чтобы не робѣть въ пути, шумно разговаривали, смѣялись, выхваляя каждый свою храбрость и подвиги противу Руссиновъ, при взысканіи съ нихъ разныхъ сборовъ. Железныя цѣпи, волочившіяся внизу фургона, гремѣли; уставшихъ пара лошадокъ едва передвигали ноги.

Услышавъ изъ дали смѣхъ и говоръ храбрыхъ чернокафтанниковъ, Бурка пересѣлъ на козлы, а Тугай поползъ въ брику.

Путешественники наши были одѣты следующимъ образомъ: Бурка, какъ мы ска-

зали, игралъ роль Пейсаха; онъ говорилъ чисто по жидовски (если только жидовскій языкъ въ Польшѣ — исковерканный нѣмецкій — можно назвать чистымъ). Тугай и Стефанъ были одѣты въ платье Мазуровъ; Гуня въ простой крестьянской семражной *сирякъ съ видлогой*; а Софія въ платье жидовки. У кудряваго, блонкураго Петруся, надѣта была на головку маленькая скуфейка, обшитая узенькимъ галунчикомъ.

Поровнявшись съ брикой Гетмана, одинъ изъ жидковъ сказалъ Буркѣ: *гитъ набенъ*.

Тотъ отвѣчалъ приличнымъ образомъ.

Жидовскія лошади, выбившись изъ мочи, и увидѣвъ брику подѣхавшую къ нимъ,

остановились. Вопли спѣшившихъ на шабашъ, удары плетью, маханья руками и ногами не помогли, лошади ни съ мѣста; жидки высыпали изъ фургона на дорогу, окружили брику Гетмана, требовали, чтобы путешественники дали имъ на подпряжку лошадей, грозили, что они возмутъ ихъ насильно, если не получатъ по доброй волѣ.

Гуня вспыхнулъ, началъ добывать винтовку, спрятанную подъ перинами; но Стефанъ и Тугай удержали его; уговорили не дѣлать шуму въ близи отъ села. Жидковъ перебить не возможно всѣхъ потому, что ихъ пропасть; разбѣгутся, сдѣлаютъ тревогу и будетъ хуже, — сказали Гуня въ подголоса, Стефанъ и Тугай.

Бурка, всегда находчивый, придумалъ другое средство избавиться отъ жидовъ. Обратившись къ своимъ спутникамъ и сдѣлавши имъ знакъ, чтобы они не противорѣчили ему—сказалъ ломанымъ Русскимъ языкомъ: лошади мои, отъ чего же вы можете не дать ихъ людямъ, имѣющимъ необходимость поспѣть на шабашъ? Чѣмъ терять попусту время въ спорахъ, я запрягу всю четверку въ фургонъ соотечественниковъ, отвезу ихъ въ корчму и самъ прошабашую тамъ. А чтобы вамъ нешабашевать на дорогѣ, то пускай одинъ останется съ моею женою здѣсь, возлѣ брики, а два поѣдутъ въ корчму, возмутъ отъ туда лошадей и привезутъ брику съ Рухлею къ Ребе-Лейзеру.

Спутники Бурки смотрѣли на него съ изумленіемъ; но, зная неустойчивый на выдумки умъ Запорожца, безмолвно повиновались; помогли отпрячь лошадей изъ брички и запречь ихъ вновь въ жидовскій фургоны.

Когда все было кончено, тогда Бурка сдѣлалъ окончательныя распоряженія. Принявъ на себя величавую осанку храбраго жидка, и обращаясь къ Гунѣ, онъ сказалъ: *Слухай-но-ты, Пьско, возьми кій*, да стань на запяткахъ фургона, на всякой *слуцай*, говорить тутъ не совсѣмъ *благополуцно*. Потомъ, обращаясь къ Стефану и Тугаю, добавилъ: а изъ васъ, панове, одинъ пускай останется возлѣ брички, а другой помѣстится какъ нибудь въ фур-

гоны,—и самъ усѣлся на козлы, положивъ возлѣ бока *кій* *.

Гуня и Тугай стали на запяткахъ; жидки влѣзли въ фургонъ и усѣлись тамъ одинъ на другомъ: ихъ было человекъ до пятнадцати.

Фуръ, фуръ! закричалъ Бурка, помахивая плетью. Фургонъ помчался по дорогѣ въ обратный путь.

Отъѣхавъ не малое расстояние отъ брички, Запорожецъ показывалъ видъ, что не можетъ удержать взбѣсившихся лошадей, тыкая ихъ между тѣмъ иголкою, воткнутою въ

* Палка съ булавою на концѣ.

носокъ сапога; круто поворотилъ въ лѣво къ берегу Удая и влетѣлъ въ рѣку по горло лошадямъ.

Ось нуте теперь, батьку, зашабуемъ, сказалъ Бурка, подобравъ въ обѣ руки кий, — теперь ни одинъ изъ *війныхъ* не уйдетъ.

Бурка съ козель, а Гуня и Тугай съ запятокъ скоро управились съ бѣдными жидками, сотворивъ имъ вѣчный шабашъ въ Удаѣ.

Бросивъ фургонъ въ воду, Запорожцы возвратились съ лошадьми къ брикѣ, послѣшно запрягли ее и пустились околицею, минуя Линовцы, по направленію къ Пиря-

тину съ тѣмъ, чтобы тамъ перебраться на правую сторону Удая.

На разсвѣтъ, въ субботу, брика катилась уже по направленію къ селу Смотрикамъ. Бурка шабашовалъ въ покльти, а Тугай исправлялъ должность кучера, рассказывая анекдоты о походахъ жидовъ и Поляковъ: какъ первые ходили *кичку* воевать, а послѣдніе повѣсили теленка вмѣсто Запорожца.

Не довзжая Смотриковъ, путешественники просѣлкомъ въѣхали въ густой боръ, распрягли лошадей, и пустили ихъ щипать траву; сами же принялись варить кашу.

Гуня, закуривъ трубку, подобно филину, усьлся на пшѣ.

До сихъ поръ ѣхали мы благополучно, сказала Запорожець, — какъ то будетъ дальше? Встрѣтись съ *Ляхами*, не такъ будетъ легко отдѣлаться какъ отъ жидовъ.

Отдѣлаемся, если Богъ поможетъ, отвѣчалъ Бурка, помѣшивая въ котелкѣ кашу. *Ляхи* не храбрѣе жидовъ, когда дѣло прійдется къ развязкѣ; они любятъ величаться когда ихъ много противъ одного.

Не надѣйся, *слопче*, а лучше держи заряженную винтовку про запасъ, — замѣтилъ Гуня.

Такъ какъ вы, *батьку*, держите свою въ перинахъ, чтобы она не простудилась, — отвѣчалъ неугомонный Бурка, оскаливая зубы.

Гуня надумся было; но въ это время путешественники услышали звукъ охотничьихъ роговъ, со стороны Смотриковъ, и лай собакъ.

Бурка отскочилъ отъ котелка, и сѣлъ возлѣ Софин; Стефанъ усьлся у огня.

Показалась толпа охотниковъ. Впереди ѣхалъ толстый шляхтичъ, одѣтый въ казакинъ изъ верблюжей шерсти, вычурно разцыфрованный, въ которомъ онъ былъ похожъ на пивную бочку, облитую дрожжами.

Подъехавъ къ брикъ, шляхтичъ остановился съ видомъ теленка, увидѣвшаго новой предметъ; потомъ надменно спросилъ Бурку, указывая на Софію: это твоя красавица жидокъ?

Се моя зонка, Рухля, отвѣчалъ Запорожець, тряся лохмотьями лисьей шапки и поправляя ермолку; — *дале-Бугъ моя зонка, ясны вельможный панъ.*

Для такого парха, какъ ты, жаль этой жидовочки, отвѣчалъ шляхтичъ.

Сцозъ робить, вельможный панъ, коли вона мене любить.

Любить! повторилъ Полякъ, и приближаясь къ Софіи, спросилъ: ты любишь его моя коханко?

Софія, потупивъ глаза, отвѣчала: люблю вельможный панъ.

Жаль красавицы для такого оборванца, — сказалъ шляхтичъ, — *якъ бога кохамъ жаль!* и готовъ былъ сказать что-то своему ловчему, стоявшему назади съ толпою охотниковъ.

Хитрый Бурка, замѣтивъ это и, опасаясь насилія со стороны вельможи, (весьма обыкновеннаго въ тѣ благословенныя времена), перебивая слова шляхтича къ ловчему, сказалъ: *якъ бы панъ далъ мнѣ какую аренду или откупъ, то я не былъ-бы такой обиданный, да и Рухля моя была бы пану вдѣльнича.*

Я дамъ тебѣ корчму въ Малютинцахъ, отвѣчалъ обрадованный Полякъ и, обращаясь къ Софіи, спросилъ: а ты моя красавица, полюбишь ли меня, если у васъ будетъ новенькая доходная корчма?

Софія покраснѣла и ничего не отвѣчала.

Бурка завопилъ — *якъ пана кохамъ!* она *бардзо бендзь вдзпична вельмож-нему добродзю, тилько проше даць мнѣ карчму.*

Полякъ задумался, потомъ, по видимому, утѣрившись въ возможности достигнуть исполненія своихъ замысловъ, если дастъ жидку корчму, отвѣчалъ: хорошо, поѣз-

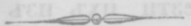
жай въ Малютинцы, явись въ палацъ къ кастеляну и покажи ему вотъ этотъ перстень. Шляхтичъ снялъ съ пальца перстень, отдалъ его улыбавшемуся Буркѣ; потомъ показывая на Гуно, Стефана и Тугая, спросилъ: эти люди куда ѣдутъ съ тобою?

Я взялся свезти ихъ изъ Монастырища въ Ньчипоровку, — отвѣчалъ Запорожець, потряхивая пѣсьями и униженно благодаря Поляка за его милости.

Шляхтичъ поворотилъ лошадь и уѣхалъ въ противоположную сторону той, куда ѣхали наши путешественники.

На другой день, къ вечеру, Стефанъ и спутники его достигли сборнаго мѣста въ дебри, на берегу Трубежа.

Отсель, жизнь Гетмана-мученика вполнѣ уже принадлежитъ Исторіи.

По соединеніи всѣхъ отрядовъ козацкихъ войскъ, предложено прежде всего очистить отъ Поляковъ города по обѣимъ берегамъ Днѣпра, возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ. Успѣхъ увѣличалъ предпріятіе. Поляки, не ожидая нападеній, безопасно пировали въ селахъ и городахъ Малороссійскихъ и вездѣ были разбиты; упорно защищавшіеся, истреблены до послѣдняго; амуниція и артилерія ихъ, достались козакамъ.

Въроломный Потоцкій, съ главнымъ Корпусомъ Польскихъ войскъ, отретировался въ степь и окопался при рѣкѣ Старицѣ; тамъ атаковалъ его Гетманъ Острияница. Сдѣлавши залѣ изъ всѣхъ орудій, козаки съ немовѣрнымъ ожесточеніемъ напали на укрѣпленіе; проложили себѣ дорогу въ станъ непріятельскій по грудамъ убитыхъ товарищей и вступили въ ручной бой съ Поляками. Непрѣтели козаковъ не имѣли времени заряжать ружей и пистолетовъ и должны были отбиваться саблями, отступая въ средину укрѣпленія.

Гетманъ Малороссіянъ и храбрый Гуня, въ страшномъ побойщѣ этомъ уподобились двумъ ангеламъ смерти, все уничтожающимъ къ чему они прикасались. Ша-

гая по грудамъ тѣлъ, съ огромными свѣчками въ рукахъ, военачальники козаковъ обходили много разъ станъ Польскій, отъ одного края до другаго, стараясь захватить Потоцкаго. Но судьба устроила иначе: въроломный спасся для новыхъ злодѣйствъ, храбрый Гуня палъ, и въ то время, когда Поляки поражены уже были совершенно.

По окончаніи сраженія, насчитали непріятельскихъ труповъ 11.317, козацкихъ 4727. Станъ Польскій, наполненный мертвцами, съ великимъ запасомъ артиллеріи и всякихъ оружій, достался козакамъ.

Воздавъ хвалу Богу, поборнику угнетенныхъ, предавъ землѣ смертные останки своихъ братій, Гетманъ, не теряя времени,

пустился преслѣдовать Потоцкаго, настигъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ на Вольши. Напольный Гетманъ заперся въ замкѣ, ожидая помощи изъ Польши.

Не допуская козаковъ сдѣлать приступъ къ укрѣпленію, Потоцкій выслалъ къ нимъ процессію со крестами и хоругвями, съ духовенствомъ Русскимъ, которые, предлагая миръ отъ Гетмана и всей Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Острияницу и его войско, преклониться на мирныя предложенія.

По долгомъ совѣщаніи и послѣ клятвъ съ обѣихъ сторонъ, собрались въ церкви полномочные обоихъ Гетмановъ, написали тамъ трактатъ вѣчнаго мира и забвенія

прошедшей вражды, подписали его и пригнули на Евангеліи.

За симъ — по словамъ лѣтописца — «войска разошлись восвоися.»

Гетманъ, отправивъ вѣстника въ Переяславль, тогдашнюю столицу Малороссіи, весело возвращался къ роднымъ берегамъ Днѣпра, захалъ въ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ тамошнемъ монастырѣ.

Поляки, всегда отличавшіеся въроломствомъ въ договорахъ съ Русинами и въ этотъ разъ рѣшились нарушить клятвы, произнесенныя въ Полонномъ. Свѣдавъ, чрезъ шпіоновъ жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана въ монастырь, который находился въ

города, они подослали скрытными путями
воиновъ, захватили его тамъ съ старши-
нами; обитель Каневскую разграбили, пре-
дали огню.

Несчастные узники везены были съ
чрезвычайною поспѣшностію, въ простыхъ
тельгахъ, до самой Варшавы. Тамъ они
представлены народу въ видѣ плѣнныхъ.
Употребленная съ ними жестокость прево-
сходитъ всякое описаніе. Всадники влекли
ихъ по стогнамъ города на веревкахъ, потомъ
обременили оковами и свергли въ подзем-
ныя тюрьмы, откуда они были выведены
на казнь неслыханную, безчеловѣчную....

ГЛАВА XVI.

Въ девять часовъ утра улицы Варшавы
пестрѣли народомъ, стукъ экипажей, про-
тяжные возгласы кучеровъ, одѣтыхъ въ
мазовскія платья, хлопанье бичей, воскли-
канія и говоръ народа, оглашали воздухъ.
Пѣшіе и конные спѣшили къ главной пло-
щади города.

Впереди толпы красовался на крым-
скомъ жеребцѣ молодой шляхтичъ, со-

проводившей группу вертлявыхъ дамъ, верхами, и небрежно толкавшей *родаковъ* своихъ, шедшихъ пѣшкомъ. Разрумяненные Амазонки хохотали и весело спрашивали молодаго челоуька: куда онъ ихъ ведетъ и что онъ увидятъ?

— Казнь схизматиковъ, пойманныхъ моимъ отцомъ, — отвѣчалъ шляхтичъ.

— Фи Николай! стоило-же труда пану Потоцкому вести ихъ сюда, чтобы показать казнь этихъ медвѣдей; я готова воротиться домой, — сказала одна изъ дамъ; — между тѣмъ онъ уже были на площади.

Шляхтичъ граціозно поклонился дамамъ и поѣхалъ къ другимъ группамъ рассказывать о подвигахъ Наполеонаго Гетмана...

Въ концѣ широкой улицы вновь показалась толпа, сопровождаемая отрядомъ конныхъ воиновъ. Впереди шли Католическіе священники, сзади, по два въ рядъ, связанные узники. Около каждой пары шелъ монахъ, уговаривавшій несчастныхъ, для спасенія душъ ихъ, принять Католическую вѣру.

Первую пару составляли Гетманъ Острица и Полковникъ Рындиць. Стефанъ съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на бездушнаго Езуита, проповѣдывавшаго о спасеніи души, когда единовѣрцы его предательски готовились растерзать тѣла несчастныхъ, ничего не отвѣчалъ, продолжая молиться Богу по обряду своей церкви.

По приводѣ узниковъ на мѣсто казни, открылось зрѣлище едвали непревосходящее самья торжества Каннибаловъ. Гетманъ Острианица, Обозный Генеральный Сурмило, Полковники: Недригайло, Боюнь и Рындиць, положены на колеса, имъ медленно переломали руки и ноги, потомъ тинули жилы доколѣ они скончались. Полковниковъ: Гайдаревскаго, Бутрима, Заналъя; Обозныхъ: Касима и Сучевскаго, пробили желѣзными спицами насквозь, подняли живыхъ еще на сваи. Эсауловъ Полковыхъ: Постылича, Гаруна, Суныгу, Подобая, Харчевича, Чудана, Чурая; Сотниковъ: Чуприну, Околовича и Ворожбита, (тестя Острианицы), гвоздями прибили стоящихъ къ доскамъ, облитымъ смолою и сожгли медленнымъ огнемъ. Хорунжихъ

Могиланскаго, Загребу, Скребила, Ахтырку, Потурая, Бурлія и Загнибиду, разтерзали желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу. Старшинъ: Ментя, Дунаевского, Скубрія, Глянскаго, Завезуна, Косыря, Гуртоваго, Тумаря и Тугая, (несчастнаго друга Гуни и Стефана), четвертовали по частямъ.

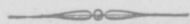
Жены страдальцевъ, пришедшія въ Варшаву просить пощады мужьямъ своимъ у бездушныхъ вельможъ Польскихъ, управлявшихъ тогда Королемъ и Королевствомъ, оглашали воздухъ воплями, но скоро замолкли — имъ обрѣзали груди, перерубили ихъ до одной, а сосцами били мужей по лицамъ до самой кончины. Дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около труповъ матерей, сожгли

на желѣзныхъ решеткахъ медленнымъ огнемъ. Неистойвой народъ раздувалъ уголье подъ решетками шапками и метлами, произнося дикія восклицанія. Послѣ этого замученнымъ Старшинамъ отрубили головы, руки и ноги, развезли ихъ по всѣмъ городамъ Малороссійскимъ и развѣшали на сваяхъ.

Войска Польскія нахлынули въ несчастную страну. Тиранства и насилія, произведенныя въ это время Поляками, превосходятъ всякое описаніе и самое вѣроятіе. Людей, подозрѣваемыхъ въ непріязненныхъ замыслахъ, варили въ котлахъ; дѣтей сожигали въ виду отцевъ; дома ихъ разграбили и разорили до основанія. Ограбили также и всѣ церкви Русскія, награблен-

ное продали и пропили жидамъ, которые подѣлали себѣ изъ серебра церковнаго посуду и убранства, а ризы и стихари, перешли на исподницы женамъ и дочерямъ, обращавшимъ въ посмѣяніе священнѣйшія изображенія. Уніятское и Католическое духовенство разѣжало по селамъ и городамъ въ экипажахъ, влекомыхъ людьми; красивѣйшія и благороднѣйшія дѣвицы Русскія служили имъ. По словамъ Малороссійской Лѣтописи, «Украина въ это время доведена была до совершеннаго разоренія и изнеможенія; все въ ней подобило нѣкому хаосу, грозившему послѣднимъ разрушеніемъ, никто изъ жителей ея не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежить имѣніе, его семейство и самая жизнь, и долго-ли она продлится?»

Такъ бѣдствовалъ народъ Русскій по смерти храбраго, умнаго и несчастнаго Остряницы, которому не суждено было — быть освободителемъ родины.

Софіи не было въ Варшавѣ во время мученической кончины Стефана. Услышавъ роковую вѣсть о задержаніи его въ Каневѣ, несчастная въ конвульсіяхъ металась нѣсколько часовъ на рукахъ вѣрнаго друга Стефанова, Бурки, пріѣхавшаго извѣстить Переяславцевъ о мирѣ, и прежде еще кончины Гетмана—мученика, переселилась въ вѣчность.

Бурка, кинувъ горсть земли въ могилу страдальцы и взявъ на свое попеченіе

сироту Петра, уѣхалъ въ кочевье Чалаго, предполагая сформировать тамъ корпусъ войскъ для освобожденія Гетмана. Но огонь и мечъ, внесенные въ Польшу отчаянными мстителями Стефана, опустошили города и села мучителей уже послѣ кончины его.

Въ послѣдствіи Бурка и Чальій соединились съ Гетманомъ Карпомъ Полтора-Кожуха, опустошили многія околицы въ Польшѣ, особенно имѣнія Потоцкихъ, Конецпольскаго и Іеремія Вишневецкаго, не давая пощады ни старому, ни малому. Многія тысячи ясырей Польскихъ населили въ то время села Тавриды; многіе десятки тысячъ *Ляховъ* и жидовъ легли въ сырую землю!

По смерти Полтора-Кожуха, Бурка и Чальи съ остатками дружины присоединились къ славному Зиновію-Богдану Хмельницкому и много содѣйствовали ему къ освобожденію родины.

Кромъ малолѣтнаго Петра, у Гетмана Острияницы остался родной племянникъ съ матерней стороны, тоже Петръ, принявшій фамилію Острияницы. Онъ вмѣстѣ съ Буркою былъ воспитателемъ сына Стефанова и грознымъ мстителемъ Полякамъ за мученическую кончину дяди.

К О Н Е Ц Ъ .

Имена лицъ подписавшихся на книгу,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ГЕТМАНЪ ОСТРЯНИЦА,

съ 8 Маія 1845, по 22 Января 1846 года.

I. Въ Харьковѣ.

чис. экз.

Е. С. Г. Черниговскій, Полтавскій и Харьковскій Генераль-Губернаторъ, Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ.	10
Е. С. Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ	5
— — Князь Алексій Александровичъ Солтыковъ.	1
Коллеж. Асс. Эмилій Адольфовичъ де-Роберти	1
Гавриилъ Гавриловичъ Сухановъ	1
Николай Петровичъ Манько	1
Г. Якубовичъ.	1
Купецъ Михаилъ Псаревъ.	1
Купеческій сынъ Андрей Медведевъ.	1
Т. С. Никаноръ Савичъ.	1

II. Въ Лебединь.

Г. Сов. Василій Михайловичъ Росковиненко.	1
Маіоръ Николай Каминскій	1
Пор. Иванъ Максимовичъ Плетеневъ.	1
Подполк. Николай Васильевичъ Масловскій.	1
Шт. Кап. Александръ Романовичъ Тимченко.	1
Коллеж. Асес. Екатерина Ивановна Алферова.	1
Пор. Николай Николаевичъ Кондратьевъ	1
Губ. Секр. Николай Леопольдовичъ Бодянский	1

III. Въ Бѣлопольѣ.

Шт. Кап. Филиппъ Макаренко.	1
Полковникъ Баронъ Александръ Густавовичъ Дельвицъ.	1

IV. Въ Купянскѣ.

Иосифъ Павловичъ Надратовскій.	1
Николай Ефимовичъ Шевцовъ.	1
Пор. Андрей Ивановичъ Зайцевскій.	1
Купецъ Ѳедоръ Ѳесенко.	1
Коллеж. Асес. Данилъ Петровичъ Кіеницынъ	1
Пор. Михаилъ Захаревичъ Бейкинъ.	1

Губ. Секр. Дмитрій Михайловичъ Барановъ.	1
Шт. Ротм. Яковъ Тихоновичъ Савиновъ.	1
Пор. Людвигъ Львовичъ Монтвидъ.	1
Г. Уздный казначей Ружицкій.	10
Петръ Ивановичъ Кунцманъ.	1
Павель Игнатьевичъ Молчановъ.	1
Александръ Ѳедоровичъ Чылиховъ	1
Волостн. Голова Василій Трохименко	1
— — — Иванъ Жестовскій.	1

V. Въ Богодуховѣ.

Г. Аверкіевъ.	1
Г. Лѣкаръ Кременецкій.	1
Г. Бойцовъ.	1

VI. Въ Старобѣльскѣ.

Г. Ратманъ Город. Ратуши.	3
-----------------------------------	---

VII. Въ Валкахъ.

Козма Захаревичъ Селихановскій.	1
---	---

VIII. Въ Славянскѣ.

Иванъ Булгаковъ.	1
Шт. Ротм. Александръ Карповъ.	1

Т. Сов. Стефанъ Курдюмовъ	1
Подполк. Кондратьевъ	1
Шт. Ротм. Мазанъ	1
Шт. Кап. Голубиновъ	1
Купецъ Ѳедоръ Цокуровъ	1
Подполк. Унковскій	1
Купецъ Яковъ Дунаевъ	1
Генералъ-Маіоръ Панютичъ	1
Полковникъ Кассовскій	1
Василій Марченко	1
Купецъ Андрей Кочура	1

IX. Въ Краснокутскѣ.

Шт. Кап. Михайло Алексѣевичъ Витинскій	1
Т. С. Матвѣй Максимовичъ Чигиринцовъ	1
Шт. Ротм. Матвѣй Семеновичъ Щербакъ	1
Аристархъ Макаровичъ Демьяновъ	1

X. Въ Золочевѣ.

Пор. Дмитрій Дмитриевичъ Хлоповъ	1
Коллеж. Секр. Николай Козмичъ Шаповаловъ	1
Стефанъ Григорьевичъ Рушковскій	1
Купецъ Ѳедоръ Гнатченко	1

XI. Въ Волманскѣ.

Т. Сов. Иванъ Помазановъ	1
Коллеж. Секр. Петръ Кандауровъ	1
Маіоръ Резановъ	1
Шт. Ротм. Кабоновскій	1

XII. Въ Полтавѣ.

Полковникъ Николай Ивановичъ Арандаренко	1
Дѣйств. Ст. Сов. Дмитрій Степановичъ Пасенко	1
Коллеж. Ассес. Василій Андреевичъ Нероновъ	1
Коллеж. Ассес. Фелиціанъ Ивановичъ Квѣцинскій	1
Губ. Секр. Яковъ Манько	1
Коллеж. Ассес. Андрей Ѳедоренко	1
Коллеж. Ассес. Осипъ Гавриленко	1
Ееграфъ Пащенко	1
Коллеж. Сов. Илья Шандренко	1
10 класса Семенъ Дмитриевичъ Петровскій	1
Губ. Секр. Тимофѣй Власевичъ Латманизовъ	1
Т. Сов. Константинъ Ѳедоровичъ Ступачевскій	1
Т. Сов. Арсеній Ивановичъ Евтушевскій	1
8 класса Трофимъ Ѳедоровичъ Сидоренко	1
Коллеж. Секр. Андрей Ѳедоровичъ Ступачевскій	1
Василій Васильевичъ Роговенко	1
Губ. Предвод. Двор. Евгений Григорьевичъ Бразоль	3

Ст. Сов. Петръ Александровичъ Шамшинъ . . .	1
Коллеж. Секр. Василій Федоровичъ Гежелинскій .	1
Коллеж. Секр. Андрей Васильевичъ Прокофѣевъ .	1
Подполк. Семень Трофимовичъ Козловъ	1
Иванъ Михайловичъ Скоропадскій	1
Родіонъ Николаевичъ Милорадовичъ	2
Т. Сов. Василій Петровичъ Тарановскій	1
Шт. Кап. Лаврентій Николаевичъ Милорадовичъ .	1
Шт. Кап. Иванъ Осиповичъ Кустъ-Кисловскій .	1
Пор. Флиппъ Федосъевичъ Александровичъ . . .	1
Маіоръ Дмитрій Ивановичъ Милорадовичъ . . .	1
Коллеж. Ассес. Александръ Степановичъ Мило-	
радовичъ	1
Губ. Секр. Павелъ Павловичъ Зоць	1
Маіоръ Давидъ Семеновичъ Горленко	1
Коллеж. Асс. Стефанъ Петровичъ Пороховниковъ .	1
Коллеж. Сов. Григорій Федоровичъ Рѣдъкинъ . .	1
Коллеж. Сов. Василій Семеновичъ Масюковъ . .	1
Подполк. Павелъ Семеновичъ Масюковъ	1
Коллеж. Ассес. Осипъ Андреевичъ Левченко . .	1
Т. Сов. Леонъ Осиповичъ Магницкій	1
Шт. Ротм. Василій Осиповичъ Каюра	2
Коллеж. Сов. Нлѣя Петровичъ Капнисть	1
Пор. Николай Петровичъ Навроцкій	1
Шт. Кап. Григорій Павловичъ Горошниковскій . .	1
Шт. Ротм. Николай Ивановичъ Коченовскій . . .	2

Шт. Кап. Василій Степановичъ Война	1
Коллеж. Ассес. Александръ Павловичъ Полетика .	1
Т. Сов. Яковъ Степановичъ Лихопой	1
Коллеж. Секр. Андрей Васильевичъ Магденко . .	2
Поруч. Яковъ Яковлевичъ Сухотинъ	1
Коллеж. Ассес. Михаилъ Ивановичъ Чуйкевичъ .	1
Ст. Сов. Максимъ Филипповичъ Семеновскій . .	1
Маіоръ Владиміръ Григорьевичъ Кисилевскій . .	2
Коллеж. Ассес. Левъ Григорьевичъ Милорадовичъ .	1
Капитанъ Василій Ивановичъ Чарынь	1
Шт. Ротм. Александръ Михайловичъ Щербакъ .	2
Подполк. Павелъ Ивановичъ Козельскій	1
Шт. Ротм. Михаилъ Гавриловичъ Макаровъ . . .	1
Губ. Секр. Иванъ Яковлевичъ Лукашевичъ . . .	3
Надв. Сов. Осипъ Антоновичъ Волохиновъ . . .	2
Маіоръ Иванъ Емельяновичъ Родзянко	1
Коллеж. Секр. Григорій Васильевичъ Велецкій .	1
Пор. Григорій Семеновичъ Моцакъ	1
Надв. Сов. Христофоръ Павловичъ Родзянко . .	1
Пор. Дмитрій Павловичъ Родзянко	5
Пор. Николай Андреевичъ Маркевичъ	1
Пор. Викторъ Яковлевичъ Нечай	1
Подполк. Николай Андреевичъ Андрузскій . . .	1
Коллеж. Рег. Николай Новицкій	1
Шт. Ротм. Александръ Степановичъ Алексеевъ .	1

Коллеж. Ригис. Андрей Андревичъ Ильяшенко - Кириловичъ	1
Подполк. Петръ Петровичъ Ильяшенко	1
Коллеж. Рег. Михаилъ Ивановичъ Данчичъ	1
Поруч. Петръ Александровичъ Болюбанъ	1
Надв. Сов. Ѳедоръ Андреевичъ Максимовичъ	1
Кап. Николай Яковлевичъ Манжосъ	1
Маіоръ Яковъ Дмитріевичъ Кисель	1
Т. Сов. Михаилъ Ивановичъ Данчичъ	1
Коллеж. Асс. Михаилъ Михайловичъ Макаровский	1
Маіоръ Григорій Петровичъ Долинскій	1
Т. Сов. Самуилъ Григорьевичъ Богдановичъ	1
Для Полтавской Казенной Палаты	9
Для Палаты Государственныхъ Имуществъ	19
Каменскій Волостной Голова Марко Глинскій	1

XIII. Въ Кобеляктъ.

Городничій Г. Игнатьевъ	1
Губ. Секр. Ѳедоръ Губровъ	1
Провизоръ Ѳедоръ Крафтъ	1
4 класса Василевичъ	1
Управл. Кобелякскимъ Округомъ Г. Браилко	1

XIV. Въ Ромилъ.

Шт. Кап. Горошковскій	1
Купецъ Петръ Тимофьевичъ Федосовъ	1

10 класса Петръ Берченко	1
Губ. Секр. Василій Барташъ	1
Титул. Сов. Александръ Якимовичъ	1
Маіоръ Максимъ Свѣтъ	1
Коллеж. Ассес. Ѳедоръ Волинъ	2

XV. Въ Прилукъ.

Капитанъ Николай Ивановичъ Бѣловъ	1
Купеч. сынъ Иванъ Нововъ	1
Коллеж. Ассес. Петръ Голъвецъ-Михайловскій	1
Коллеж. Сов. Вѣлоусовичъ	1
Купеч. сынъ Григорій Московченковъ	1
Поруч. Яковъ Сильвестровъ	1
Шт. Кап. Михайло Дмитріевичъ Кислевскій	1
Ротмистръ Конашевскій	1
Коллеж. Регистръ Григорій Данилевскій	1
Подполк. Филиппъ Васильевичъ Скаржинскій	1
Коллеж. Секретарина Ульяна Гарновская	1
Крестьянинъ Андрей Кротенко	1
Алексій Ковалевскій	1

XVI. Въ Перелславль.

Земск. Испр. Г. Ильяшенко	2
Прокофій Робриницкій	2

Василій Каневецкій	1
Г. Максимовичъ	1
Г. Баляснйй	1
Г. Слюсаревскій	1
Состоящій въ должн. Переяславскаго Городничаго	1

XVII. Въ Зѣнковѣ.

Поруч. Василій Александровичъ Левицкій	1
Василій Петровичъ Лейбнъ	1
Воскресенской церкви священникъ Василій Стрем- ченскій	1
Маіоръ Егоръ Ильичъ Геевскій	1
Т. Сов. Иванъ Григорьевичъ Кантемиръ	1
Т. Сов. Исидоръ Вуяхевичъ	1
Коллеж. Ассес. Николай Тимофѣевичъ Боговскій	1
Губ. Секр. Иванъ Тимченко	1

XVIII. Въ Хоролѣ.

Губ. Секр. Григорій Яковлевичъ Аѳонасьевъ	1
Шт. Ротм. Іустинъ Гудимъ-Левковичъ	1
Маіоръ Сергѣй Башиловъ	1
Т. Сов. Иванъ Стеценковъ	1
Коллеж. Регистр. Ѳедоръ Самусъ	1
Николай Николаевичъ Головашенко	1

Шт. Ротм. Петръ Николаевичъ Родзянко	1
Маіоръ Павелъ Акимовичъ Гудимъ-Левковичъ	1
Шт. Ротм. Иванъ Васильевичъ Родзянко	1
Арт. Кап. Андрей Григорьевичъ Криштофовичъ	1
Коллеж. Регистр. Василій Петровичъ Карпинскій	1
Иванъ Петровичъ Митрофановъ	1
Коллеж. Ассес. Николай Алексѣевичъ Борови- ковскій	1
Ст. Сов. Сахно-Устимовичъ	1
9 класса Александръ Алексѣевичъ Боровиковскій	1

XIX. Въ Лохвицѣ.

Губ. Секр. Иванъ Андреевичъ Варавка	1
Коллеж. Ассес. Василій Юрьевичъ Пѣковецъ	1
Коллеж. Ассес. Никифоръ Максимовичъ Варавко	1
Коллеж. Ассес. Козма Матвѣевичъ Погулянъ	1
Губ. Секр. Петръ Петровичъ Самойловичъ	1
Коллеж. Рег. Григорій Ивановичъ Андреевскій	1
Матвѣй Ѳедотовичъ Аѳонасьевъ	1
Коллеж. Рег. Яковъ Гавриловичъ Николаевъ	1
Поруч. Діомидъ Матвѣевичъ Погулянскій	1
Коллеж. Секр. Григорій Михайловичъ Сушинскій	1
Петръ Степановичъ Ермоленко	1

XX. Въ Пирятинъ.

Елисавета Андреевна Крамалъй	1
Титул. Сов. Иванъ Ивановичъ Зозулевскій	1
Дворян. Николай Ивановичъ Горбовскій	1
Градск. Глава Ѳедоръ Скиринъ	1
Г. Бълоусовичъ	10

XXI. Въ Лубнахъ.

Коллеж. Секр. Василий Григорьевичъ Филоненко	1
Шт. Кап. Павелъ Николаевичъ Леонтовичъ	1
Шт. Ротм. Платонъ Милорадовичъ	1
Егоръ Скаржинскій	1
Шт. Кап. Павелъ Примо	1

XXII. Въ Миргородъ.

Г. Земскій Исправникъ	12
Генераль-Маюръ Владиміръ Ивановичъ Залевскій	1
Шт. Кап. Александръ Брюхачевскій	1
Шт. Кап. Иванъ Туманскій	1

XXIII. Въ Константиноградъ.

Екатерина Васильевна Ходыревская	1
Дворян. Феликсъ Домославскій	1

Т. Сов. Семень Дмитриевичъ Ковачинскій	1
Капитанъ Иванъ Захарьевичъ Нѣжинецъ	1
Стефанъ Старовѣрцовъ	1
Шт. Кап. Романъ Менцынскій	1
Надворн. Сов. Иванъ Ѳедоровичъ Крпковскій	1
Шт. Кап. Константинъ Бродскій	1
Шт. Кап. Старицкій	1
Пор. Козма Старицкій	1
Флота Кап. Лейт. Осипъ Андреевичъ Сахновскій	1
Губ. Секр. Петръ Андреевичъ Сахновскій	1
Ротм. Григорій Андреевичъ Сахновскій	1
Александръ Андреевичъ Катериничъ	1
Гвардіи Шт. Кап. Бредишинъ	1
Г. Клевре	1
Пор. Иванъ Катериничъ	1
Павель Семеновичъ Навроцкій	1

XXIV. Въ Кременчугъ.

Подпор. Михайло Сохнъ	1
5 класса Юсифъ Святодухъ	1
Губ. Секр. Бъланъ - Петроновскій	1
Коллеж. Ассес. Любарскій	1
Священникъ Петръ Комарецкій	1
Кременчугскій Окружной Начальникъ	6

XXV. Въ Черниговѣ.

Г. Предсѣдатель Казенной Палаты	2
Г. Предсѣдатель Гражданской Палаты	3
Г. Управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ	1
Губернскій Предводитель Дворянства Василій Николаевичъ Лодомирскій	1
Котръ — Адмиралъ Владиміръ Григорьевичъ Ушинскій	1
Маіоръ Демьянъ Ивановичъ Аристовъ	1
Надв. Сов. Христофоръ Даниловичъ Христіановъ	1
Г. Бѣлецкій	1
Г. Полторацкій	1
Г. Малявка	1

XXVI. Въ Нѣжинѣ.

Г. Арандаренко	1
Г. Хоменко	1
Маіоръ Егоръ Ивановичъ Величко	1
Г. Макаровъ	2
Мѣщанинъ Иванъ Романовичъ Гавриленко	1
Священникъ Евстафій Бѣляковъ	1
Шт. Кап. Иванъ Алексѣевичъ Карѣевъ	1

Коллеж. Ассес. Давидъ Романовичъ Конисскій	1
Г. Уѣздный Казначей	10

XXVII. Въ Кролевицѣ.

Губ. Секр. Николай Павловичъ Голяховскій	1
Коллеж. Секр. Игнатій Карѣевичъ Карпенко- Бережецкій	1
Т. Сов. Гаврилъ Петровичъ Нѣжинецъ	1
Коллеж. Секр. Павелъ Моисеевичъ Галыховскій	1
Генераль-Лейтен. Аѳонасій Даниловичъ Соломка	1
Коллеж. Ассес. Илья Васюковъ	1
Шт. Кап. Иванъ Забѣла	1
Коллеж. Секр. Григорій Пузыревскій	1
Подполк. Иванъ Стрыжевскій	1
Мѣщан. Филиппъ Нечоголодь	1

XXVIII. Въ Конотопѣ.

Корнетъ Дмитрій Ивановичъ Кандиба	1
Губ. Секр. Иванъ Салогубъ	1
Подпор. Яковъ Костенецкій	1
Иванъ Васильевичъ Стокозь	1

XXIX. Въ Городицѣ.

Ст. Сов. Николай Ивановичъ Лисенко	1
Коллеж. Секр. Григорій Демьяновичъ Иваника	1

Губ. Секр. Василий Александрович Костенецкій	1
Губ. Секр. Василий Семеновичъ Григоровичъ	1
Князь Михаилъ Максимовичъ Чегодаевъ	1

XXX. Въ Сосницѣ.

Г. Маркевичъ	1
Г. Демидовскій	1
Г. Дембовскій	1
Александръ Петровичъ Забѣла	1
Левъ Осиповичъ Лукашевскій	1
Для экономіи Графини Толстой	1
Михайло Николаевичъ Демидовскій	1
Александръ Григорьевичъ Демонтовичъ	1

XXXI. Въ Борзні.

Капитанъ Павелъ Гороповъ	1
Пров. Секр. Веридирскій	1
Коллеж. Регистр. Иванъ Голубовъ	1
Свящ. Андрей Романовичъ Карноуховъ	1
Т. Сов. Андрей Павловичъ Григоровичъ	1
Свящ. Петръ Ивановичъ Костенецкій	1
Губ. Секр. Николай Дмитриевичъ Кушакевичъ	1
Мѣщанинъ Лапинъ	1

Титул. Сов. Иванъ Петровичъ Забѣла	1
Пор. Яковъ Константиновичъ Бабенко	1
Штабъ-Лекаръ Коллеж. Ассес. Ѳеодоръ Семеновичъ Рындовскій	1
Провизоръ Карпъ Осиповичъ Камперъ	1
Коллеж. Ассес. Демьянъ Михайловичъ Щербина	1
Коллеж. Секр. Стефанъ Булюга	1
Никита Тарасовичъ Гербичъ	1

XXXII. Въ Суражѣ.

Шт. Кап. Павелъ Александровичъ Ѳеодоровъ	1
--	---

XXXIII. Въ Новозыбковѣ.

Капитанъ Плекановъ	2
Г. Савицкій	1
Для Квартирной Коммисіи	1
Губ. Секр. Алексѣй Янджуль	1
Коллеж. Регистр. Василий Тарновскій	1
Подпор. Николай Паскевичъ	1
Купеч. сынъ Фейгинъ	2
Городовой Врачъ Фитцнеръ	1

XXXIV. Въ Глуховѣ.

Г. Уманецъ	1
Гвард. Шт. Кап. Александръ Шемпукъ	1

Подполк. Котляревскій	1
Шт. Кап. Толмачевъ	1
Уездный Врачъ Яковъ Стравинскій	1
Коллеж. Ассес. Иванъ Манченко	1
Иосифъ Рыбальскій-Бутевичъ	1
Петръ Гулякинъ	1
Данилъ Ольгинковъ	1
Т. Сов. Ефимъ Павловскій	1

XXXV. Въ Стародубъ.

Титул. Сов. Аеонасій Петровичъ Дворецкій	1
Почтмейстеръ Г. Соловкинъ	1

XXXVI. Въ Козельцъ.

Г. Предводитель Дворянства	1
Г. Бойко	1
Г. Нуджевскій	1
Г. Столица	1

XXXVII. Въ Черноморскомъ Войскъ.

Командующій 2 эскадрономъ Л. Г. Черноморскаго Казачьяго Дивизиона Ротмистръ Рапшиль	2
Командиръ 1-го коннаго полка Подполковникъ Рапшиль	1
Тогоже полка Эсауль Золотаревскій	1

Сотникъ Кравченко	1
Командиръ 3-го коннаго полка Подполковникъ Барышъ-Тищенко	1
Тогоже полка Эсауль Герко	1
Командиръ 4-го коннаго полка Подполковникъ Посполитака	1
Тогоже полка Хорунжій Соляникъ	1
Командиръ 2 пѣшаго Баталіона Подполковникъ Зиньковскій	1
Командиръ 3 пѣшаго Баталіона Подполковникъ Гавришъ	1
Командиръ 6 пѣхотнаго Баталіона Подполковникъ Шпилевый	1
Эсауль Вербицкій	1
Эсауль Боровикъ	1
Окружной Шт. Офиц. Ейскаго военнаго Округа Подполковникъ Кухаренко	2
Окружной Адъютантъ Эсауль Бабченко	1
Сыскной Начальникъ Екатеринодарскаго Округа Войсковой Старшина Бѣднягинъ	1
Эсауль Семькобылинъ	1
Сотникъ Маглиновскій	1
Урядникъ Лавровскій	1
Урядникъ Салюкъ	1

285334

ОПЕЧАТКИ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

=

Напечатано:

должно читать:

СТР. СТРОКА.

11	6	Степанъ Ѳедоровичъ	Стефанъ Ѳедоровичъ,
32	7	и повидимому	и, повидимому,
34	4	« Да воскреснетъ Богъ! »	« да воскреснетъ Богъ! »
39	9	и вишневый садокъ	и вишневый садокъ
45	7	потому — что	потому - что
70	2	<i>Батьку</i>	<i>батьку</i>
73	8	<i>Будымку</i> *	<i>будымку</i> *
91	5	подозрѣніе состоро- ны. Стефана	подозрѣніе состороны Стефана
98	9	гримасы	гримасы
149	8—9	свѣтллка	<i>Свѣтилка</i>
184	11	такъ-же	также
192	1—2	огласила	оживила
197	12	всѣ они и	и всѣ они
62	—	Глава VI.	Глава V.

285334

1948

3949

285334

88

